

МИХАИЛ БАРУ

НЕПЕЧАТНЫЕ
ПРЯНИКИ

ПИСЬМА
РУССКО
ГОПУТЕ
ШЕСТВЕ
НИКА

031

Новое
Литературное
Обозрение

Письма русского путешественника

Михаил Бару

Непечатные пряники

«НЛО»

2020

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=411.2)6

Бару М. Б.

Непечатные пряники / М. Б. Бару — «НЛО», 2020 — (Письма русского путешественника)

ISBN 978-5-4448-1381-2

Кувшиново, Солигалич, Пестяки, Осташков, Грязовец, Красные Баки... Для Михаила Бару путешествия по медвежьим углам Московской, Ивановской, Вологодской, Тверской, Ярославской, Нижегородской и Костромской областей — не только исследование противоречивой истории России, но и возможность увидеть сложившийся за пределами столиц образ нашей страны, где за покосившимся настоящим отчетливо видны следы прошлого. Возможность свободного перехода между временами делает это пространство почти сказочным, и автор-путешественник увлеченно ведет хронику метаморфоз, которые то и дело происходят не только с жителями этих мест, но и с ним самим. Михаил Бару — поэт, прозаик, переводчик, инженер-химик.

УДК 821.161.11
ББК 84(2Рос=411.2)6

ISBN 978-5-4448-1381-2

© Бару М. Б., 2020
© НЛО, 2020

Содержание

КАК ВСЯКИЙ НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК	5
ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	7
ВАЗА С БУМАЖНЫМИ ЛИЛИЯМИ	9
СОЛЬ ГАЛИЧСКАЯ	15
СОРОК СОРТОВ ЛОЖЕК	26
ТРИСТА ПАР КОКЛЮШЕК	31
ВТОРОЙ СОН ЛЮБОВИ АЛЕКСАНДРОВНЫ	37
ГАЗ МАРАБУ ЛАНСЕ	42
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Михаил Бару

Непечатные пряники

КАК ВСЯКИЙ НОРМАЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК

У этой книги есть история. Наверное, у каждого журнала есть авторы, которые как будто всегда были: годы проходят (всегда в нашей стране суровые), десятилетия даже, меняется состав редакции, журнал может даже кануть в небытие на несколько долгих лет (как было с «Волгой» в 2000–2008 гг.), затем воскреснуть вместе с прежними авторами. «Постоянный автор журнала» – так принято говорить, и так оно и есть, при том что сам по себе каждый автор – величина отнюдь не постоянная, но меняющаяся.

Михаил Бару, кажется, никогда не был начинающим автором. Поначалу, в 1990-е, он явился читателю как поэт, публиковался как в «Арионе», так и у нас, в «Волге», некоторые из его стихотворений сразу становились редакционными хитами, например вот это:

*Рыбалка в разгаре!
Уже и наживку
С трудом отличу от закуски.*

Впрочем, не только редакционными. Вышеупомянутый текст просто ушел в народ и где только не бытует, включая рыбацкие форумы. И, кстати сказать, в нынешних соцсетях М. Б. очень популярен. И в той же публикации 1999 года появился уже лейтмотив будущей прозы:

*Край, до боли родной!
Что ни делай и как ни старайся —
Ты упорно не хочешь цвести.*

Проза началась позднее. Но изначально Бару заявил о себе как абсолютно самостоятельный автор, и то, что он и по сей день делает в литературе, не вписывается ни в мейнстрим, ни в андеграунд, ни разу он не позиционировался как представитель какого-либо направления или тусовки. Сам по себе.

Вот этой «неформатностью» и вызвано было то, что тексты Михаила Бару кочевали у нас по разным рубрикам, да и в других журналах тоже. В «Знамени», к примеру, в рубрике «Нестолличная Россия», мы же однажды в «Прозе» – очень логично! – напечатали «Не пишется проза, не пишется». В 2015 году что-то у нас начинает дифференцироваться – возникает рубрика «Путешествие», и по настоящее время ее постоянный ведущий – именно Бару. Вместе с тем его не-путешествия мы печатаем в разделе прозы и поэзии, а теперь вот, с конца 2019 года, – еще и в рубрике «В своем формате».

А дело не только в нас. Мне кажется, вот такая задача – писать о малых городах России – тоже не сразу сложилась для автора именно как задача, и постепенно выкристаллизовывался стиль. Как писать об этом? О забытых властями и, кажется, самим Богом местах, об их никому не нужных обитателях, о неистребимой в людях прекрасности, о трагизме их положения? При этом писать непафосно, ибо, как всякий нормальный человек, Бару пафоса избегает. И пишет иронично, печально, скептически, лукаво, просто вгрызаясь в детали, умея вызвать интерес к ним, создавая ненавязчивые аналогии с современностью: в мастерстве создать подтекст ему не откажешь никак.

Он – как бы это сказать? – писатель-практик, инженер-исследователь (но, условно говоря, не человеческих душ, а тех обстоятельств, в которых эти самые души оказались). Не романтик, могут сказать, бытописатель, краевед. Еще какой романтик! Мотаться на свои кровные (заработанные технической специальностью, как я понимаю), без расчета на дивиденды – куда уж романтичнее! И уж точно не краевед в кондовом смысле этого слова: не даты и не споры вокруг них ему важны, а причинно-следственная связь, которая у М. Б. трактуется не грубо прямолинейно – в его текстах всегда остается воздух. Нельзя не заметить его незашоренности – прошлое легко проникает в сегодняшнее. Перед нами не коллаж из документов и авторского текста, но органичное целое.

Книга, которую вы держите в руках, – это путешествие, о котором читатель не пожалеет.

Анна Сафронова

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Часто сетуют, что наш турист скорее поедет в Турцию или Египет, а не в Кострому или Вологду, не говоря о Кологриве или Кинешме. Я и сам сетую, что греха таить. Если же посмотреть со стороны туриста... К примеру, собрался я поехать в Тверскую губернию – в Кувшиново. В Кувшинове замечательный музей, там родина Ожегова, нашего Даля в третьем поколении, там Горький жил и писал свой роман «Жизнь Клим Самгина», в Кувшиновском районе родовое гнездо анархиста Бакунина. Места хоть и не у всех на слуху, но, без сомнения, интересные и, как говорят, удивительно красивые.

Туристу перед поездкой нужно иметь уверенность как минимум в двух вещах – в ночлеге и культурной программе. Я начал с культурной программы. Нашел в сети телефон кувшиновского музея, чтобы договориться об экскурсии заранее. Это ведь не Москва или Петербург, где все открыто в указанные часы и всегда можно взять экскурсовода. В провинции надо обо всем договориться заранее, иначе может так случиться, что как раз в день вашего приезда экскурсовод будет сажать картошку или полоть огурцы. Его тоже можно понять. На зарплату сотрудника провинциального музея только своими огурцами и питаться. День я звоню, другой звоню... не отвечает музей Кувшинова. Звоню в Тверь, в объединенный государственный музей. Вдруг телефоны, которые я нашел в интернете, неправильные. Телефона кувшиновского музея в Твери не знают. Он не областного подчинения, а принадлежит то ли Каменской бумажной фабрике, то ли городу. Звоню в городскую администрацию. Рассказываю им, что нашел в сети страничку этого музея и даже телефон, но он не отвечает... Не отвечает, разорви его звонок. В администрации мне говорят, что телефона музея они мне дать не могут, поскольку у них его нет, но они точно знают, что музей находится в здании местного центра досуга, и дают мне телефон вахты этого центра. Уж на вахте-то точно знают... Может, и знают. Может, и сказали бы, но... не берут трубку. И даже автоматическим голосом говорят, что невозможно установить соединение. Снова звоню в Тверь и умоляю их дать телефон если не музея, то хотя бы того, кто может знать сотрудника этого музея. Добрые люди в объединенном Тверском государственном музее дают мне телефон заведующей отделом культуры города Кувшиново. Все же это отдел культуры, а не отдел бухгалтерского учета. Наверняка она знает... Не знает, но обещает узнать и перезвонить или написать. Берет адрес моей электронной почты и номер телефона. Ну, это уже какая-то зацепка. На радостях думаю заказать гостиницу в Кувшинове. Там их всего две. В ту гостиницу, которая называется «Гостиница», я решил не звонить. Видал я не раз такие провинциальные гостиницы с такими названиями. Как правило, удобства в них одни на весь этаж. Или на два этажа. Стал звонить в другую, которая на картинке в интернете выглядела поприличнее. Раз звоню, другой, пятый... На шестой раз трубку подняла старушка и сказала, что нет по этому номеру никакой гостиницы и никогда не было и не будет. Но звонят многие, да. Хотят поселиться... Ничего им не светит, и не поселятся они никогда, пока она жива. Стал звонить в гостиницу «Гостиница». Там на удивление быстро подняли трубку и сообщили, что номера есть, но с удобствами, как я и предполагал, есть проблемы. У них гостиница экономическая. Типа три звезды, но такие маленькие, что их можно увидеть только в телескоп. Зато они мне рассказали, что та гостиница, в которую я звонил, давно закрылась и у них теперь есть новая гостиница с названием «Каменка». И гостиница «Гостиница» любезно поделилась со мной телефоном своих конкурентов. Действительно, в новой гостинице есть удобства в номере и интернет и даже завтраки за две сотни рублей с носа.

Заказав номер в гостинице, я стал с удвоенной силой звонить начальнице кувшиновской культуры, которая мне обещала прислать телефон музея. Телефон ее не отвечал. И не отвечал еще полторы недели, пока начальница не вернулась из Турции, отдохнувшей и загоревшей, чего я по телефону, конечно, не видел, но догадался по голосу. Она рассказала мне, что

в центре досуга, в котором находится музей, отключили все телефоны за неуплату, но она мне даст аварийный телефон, по нему можно позвонить и узнать, как найти хранителя музея. Я тут же позвонил по этому номеру, и там ответили... что хранитель музея работает на полставки и сегодня его не будет, но если я позвоню завтра, с утра пораньше, то его попробуют разыскать и подвести к телефону. И на завтра его подвели, и... оказалось, что он в пятницу уходит в отпуск, а я приеду лишь в субботу. К счастью, сотрудники провинциальных музеев – очень отзывчивые люди. Им достаточно услышать в голосе собеседника интерес, и они придут рассказывать о музее хоть ночью. Через две минуты мы обо всем договорились.

Двух недель мне хватило, чтобы заказать гостиницу и договориться с музеем. Воля ваша, но я не знаю, как надо ненавидеть Турцию или Египет, не говоря об Италии, чтобы поехать не в Анталию или Рим, где все включено, а в Кувшиново или Солигалич, где все выключено, да еще и по разбитым на мелкие осколки дорогам. Язык не поворачивается на это сетовать.

Вот вы думаете, что предисловие я изрядно затянул. Правильно думаете. Но вы всего лишь прочли страничку текста, а я две недели каждый день звонил то в Тверь, то в Кувшиново. Могло у меня накопиться? Еще как могло...

ВАЗА С БУМАЖНЫМИ ЛИЛИЯМИ

Кувшиново

Ну ладно. Пора нам ехать в город Кувшиново, который и городом-то стал лишь в тридцать восьмом году прошлого века, а до этого без малого триста лет был селом Каменка Ржевского уезда. Начиная с середины XVII века и был. Про первые полтора века существования Каменки рассказывать нечего, а вот про вторые стоит рассказать подробно.

Помещик из Торжка

В конце XVIII века Каменку у князя Юсупова приобрел помещик из Торжка отставной майор и коллежский асессор Василий Петрович Мусин-Пушкин. Сначала Василий Петрович построил в Каменке две мукомольные мельницы и винокуренный завод, в 1799 году основал бумажную фабрику. Тут все получилось в рифму – и фамилия Пушкин, и год рождения Александра Сергеевича, и даже то, что фабрика стала производить бумагу. Ну, может быть, фабрикой это кустарное, полностью ручное производство, на котором два десятка крепостных крестьян обрабатывало барщину, было называть еще рано, но в свидетельстве о рождении у фабрики записан именно 1799 год. Производила эта фабрика из тряпок, льна, рогожи, соломы и древесины синюю бумагу, в которую заворачивали сахарные головы. Именно в такую бумагу была завернута жареная курица коллежского советника Павла Ивановича Чичикова при въезде его в губернский город NN.

Прошло еще тридцать лет, и на фабрике уже работало сорок пять человек. Все так же делали они из тех же тряпок, рогожи и соломы ту же самую синюю бумагу для сахарных голов, которая продавалась в близлежащих Торжке, Осташкове и Вышнем Волочке. Форма сахарных голов тоже не претерпела изменений, а вот Василий Петрович, которому к тому времени было уже за шестьдесят, так устал от хозяйственных хлопот и болезней, что взял... да и отдал Богу душу. Сначала фабрика досталась его наследнику, поручику Благову, а потом пошла по рукам и по ним добралась до генерал-майора корпуса жандармов Леонтия Васильевича Дубельта. Руки у Дубельта хотя и были, как и полагалось жандарму, длинными и загребущими, но до фабрики поначалу не доходили, а как дошли, то... Скорее всего, это были руки его жены, Анны Николаевны, женщины предприимчивой и хозяйственной. Так или иначе, а фабрика была переоборудована, оснащена паровым двигателем и заграничными машинами. Анна Николаевна подарила фабрику своему старшему сыну – Михаилу. Тот хоть и был генералом, но в карты любил играть больше, чем в солдатики, и в одночасье проиграл фабрику князю Трубецкому, который недрогнувшей рукой убил бубновым тузом пиковую даму Дубельта. Петр Никитич Трубецкой через несколько лет, в 1869 году, продал фабрику, на которой к началу семидесятых годов XIX века работало уже около полутора сотен человек, московскому купцу Михаилу Гавриловичу Кувшинову, крупному писчебумажному торговцу. Фабрике, впервые после Василия Петровича Мусина-Пушкина, наконец-то повезло – она попала в хорошие и надежные руки.

Еще дед Михаила Гавриловича Кувшинова, перебравшийся в Москву из Торжка, торговал бумагой. В семье Кувшиновых так любили и уважали бумагу, что за слова «бумага все стерпит» запросто могли отказать от дома. Кувшиновы были в самом хорошем смысле этих слов «бумажные души». Как только Михаил Гаврилович купил фабрику у князя Трубецкого, а купил он ее вместе с прилегающими тремя тысячами десятин земли, началось расширение производства и перевод его на современные рельсы. Была куплена первая в истории фабрики бумагоделательная машина, привезены из Англии и Германии шесть паровых машин, и в тех-

нологию производства бумаги пришла большая химия, к большому, надо сказать, огорчению небольших речек Осуга и Негочь, в месте слияния которых стояла и стоит до сей поры фабрика. Кроме оберточной стала вырабатываться печатная и писчая бумага. И как вырабатываться! Семьдесят тысяч пудов бумаги в год производила Каменская бумажная фабрика. Для продажи этой бумаги по всей России и даже за ее пределами в Москве был основан торговый дом и, чуть позже, акционерное общество «Писчебумажное фабрично-торговое товарищество» с миллионным капиталом.

Модернизация производства дала свои результаты. Высокое качество кувшиновской бумаги было отмечено серебряной медалью на Всероссийской выставке в 1882 году и через четыре года золотой на выставке в Нижнем Новгороде.

Все это скучные технические и бумажные подробности, скажет читатель. Со стороны, может, и скучные, но представьте себе бумагоделательную машину длиной в два футбольных поля и шириной шесть метров, представьте железный грохот и шипящие струи пара, кучевые облака под высоченным, не видимым с земли потолком цеха, вращающиеся без устали сверкающие стальные цилиндры, которые уплотняют, высушивают и разглаживают бесконечную белоснежную бумажную массу, представьте бесчисленное множество вентиляей, рычагов, ручек, штурвальных колес, тяжелых маховиков, ременных передач и дрожащих стрелками манометров, представьте солидных, усатых мастеров в кепках и жилетках, вихрастых чумазых мальчишек, стремительно бегающих по цеху с огромными гаечными ключами и криками «Каландр заклинило! Мефодий Степаныч приказали, чтоб сей момент шли...», угрюмых рабочих в промасленных кожаных фартуках, отвечающих сквозь зубы «А не пошел бы он сам, если такой умный...». Вот после того как представили, и говорите, что скучно. Хотя бы каландр представьте...

Юлия Михайловна

После смерти Михаила Гавриловича дело в свои руки принял его сын, Сергей Михайлович. Тут случился пожар, уничтоживший часть производства и рабочего поселка. К счастью, фабрика была застрахована на очень большую сумму. На эти деньги Кувшинов-младший стал строить новые, кирпичные корпуса, и построил, и стал производить бумагу, но... случилось новое несчастье. В 1894 году Сергей Михайлович утонул в Черном море во время гибели парохода «Владимир», на котором он вез из Англии новое оборудование для фабрики. Остались владеть фабрикой его вдова Елизавета Максимовна, бывшая директором правления товарищества, и дети Юлия, Татьяна и Сергей. Нет, не вдова стала управлять фабрикой и не сын Сергей, а дочь Юлия Михайловна Кувшинова. Почти четверть века, до самой национализации восемнадцатого года, эта женщина стояла у руля фабрики. Семьи и детей у нее не было, и правильно будет сказать, что и фабрика, и все, кто на ней работал, и были ее семьей и ее детьми. В 1938 году поселок Каменное по просьбе рабочих и служащих Каменской бумажной фабрики был переименован в город Кувшиново в память о Кувшиновых, и прежде всего о Юлии Михайловне. Факт, конечно, малозначительный с точки зрения сегодняшнего дня, но это только на первый, можно сказать, близорукий и невнимательный взгляд. Представьте себе тридцать восьмой год. Ленинград вместо Санкт-Петербурга, Горький вместо Нижнего, Киров вместо Вятки, Сталинград вместо Волгограда и даже, прости господи, Кагановичабад где-то в Средней Азии. И на этом фоне маленькое Кувшиново, переименованное в честь классовых врагов пролетариата, капиталистов Кувшиновых, по многочисленным просьбам этого самого пролетариата. Вот вам и факт...

Вернемся, однако, во времена правления Юлии Михайловны. К началу XX века фабрика производила уже полмиллиона пудов бумаги в год, и все эти полмиллиона везли на подводах в Торжок, на промежуточные склады, а уж из Торжка по всей России и за границу. Обратное

в Каменное на тех же подводах везли почту, пассажиров и разные грузы для фабрики. На время распутицы доставка бумаги в Торжок прекращалась на целых полтора месяца. Хочешь не хочешь, а надо было строить железную дорогу из Торжка в Каменное. Фабрика к тому времени стоила восемь миллионов рублей. На деньги от ссуды, полученной под ее залог, и стали строить дорогу. Пять лет, три моста, семь железнодорожных станций, вокзал в Каменном – все это и сейчас, через сто с лишним лет, работает, и не просто работает, а работает в том самом виде, в котором и было устроено. Мало где на российских железных дорогах, а может быть, и вовсе нигде, кроме как на участке Торжок – Каменное, сохранились семафоры, жезловая система, деревянные шпалы, засыпанные песком, деревянные переездные шлагбаумы, ручные стрелки, дежурные по станциям, передающие и принимающие жезлы у помощников машинистов поездов... Заповедник да и только. Двукрылый семафор с участка Кувшиново – Щербово даже хранится в музее вагонного депо «Москва». Сначала участок дороги не реконструировали потому, что денег не было, а потом Всероссийское общество любителей железных дорог упростило начальство Октябрьской железной дороги этого не делать, чтобы не нарушать такую старинную красоту. Поезда теперь здесь ходят редко. Чаще приезжают киношники снимать сцены каких-нибудь средневековых железнодорожных погонь или встреч Анны Карениной с Вронским на ночном перроне под шум частых, тяжелых и одышливых вздохов паровоза «Овечка».

Жизнь рабочих с приходом Юлии Кувшиновой на фабрику сильно изменилась. Для них было построено несколько двухэтажных кирпичных домов, в одном из которых кувшиновцы живут до сих пор. Стали выплачивать ежегодные премии рабочим и служащим, проработавшим на фабрике более пяти лет, давали ссуды на строительство собственных домов. Рабочих бесплатно лечили, бесплатно учили их детей, им бесплатно можно было мыться по пятницам и субботам в фабричной бане и стирать в фабричной прачечной.

Отдельно надо сказать о школе, которая была предметом особой заботы Юлии Михайловны. В девятьсот пятом году, в год издания царского Манифеста о гражданских свободах, она дала обещание построить в Каменном Народный дом. Кувшинова внесла на строительство дома сто тысяч рублей, и через восемь лет дом, построенный в стиле модерн по проекту московского архитектора Воскресенского, открылся. В нем были устроены шестилетняя школа для детей фабричных рабочих, библиотека и любительский театр. На фронтоне Народного дома было написано «Народный дом в память 17 октября 1905 года»¹. На открытии гостям вручались бронзовые жетоны с гравюрой здания и надписью на обороте «Знание – воля, знание – свет, рабство без него». Эти же слова были написаны на транспаранте, который нес самый лучший ученик школы во время праздничного шествия в конце каждого учебного года. Рядом с колонной учеников шла сама Юлия Михайловна. Красивая, должно быть, была картина... Куда только вся эта красота подевалась, когда через несколько лет... Впрочем, и тогда уже все начиналось. В больнице, построенной для рабочих, работал врачом Алексей Бакунин, родной племянник известного анархиста, панслависта, идеолога народничества, идейного противника Карла Маркса Михаила Бакунина. Алексей Ильич был первым, кто начал в девятьсот четвертом году активную революционную агитацию среди кувшиновских рабочих. Читая им лекцию о холере, Бакунин вставил в нее слова о свободе слова, организации стачек и забастовок. Бакунину хлопали изо всех сил, кричали «ура!» и пели «Вставай, поднимайся, рабочий народ»². И холера не заставила себя долго ждать. На квартире заводского химика инженера Лакомкина собрались рабочие. Тоже, наверное, пели хором что-то революционное, а потом приняли не менее революционную резолюцию. Узнав об этой резолюции, остальные рабочие фабрики настоятельно посоветовали Бакунину уехать куда-нибудь из села Каменное подальше

---

¹ Теперь на фронтоне остались только следы надписи «...им. В. И. Ленина». Впрочем, и они через какое-то время выцветут и станут незаметными. Если, конечно, их не закрасят еще раньше.

² Помнил ли Алексей Ильич об успехе этой лекции потом, когда в семнадцатом году была национализирована его московская лечебница, после того как в ней скончался патриарх Тихон, и совсем потом, когда он жил в эмиграции под Парижем?..

и не мутить у них воду, а инженера Лакомкина и рабочих, подписавших резолюцию, без всякого спросу и вовсе побили. Надо сказать, что лет за восемь до Лакомкина работал на фабрике еще один революционно настроенный химик – лаборант Николай Васильев, между прочим, большой друг тоже революционно настроенного писателя Максима Горького. Прожил Горький с женой и сыном в гостях у Васильева целый год³. Васильев руководил на фабрике нелегальным марксистским кружком. В то время как рабочие, играя для виду в карты, обсуждали, что делать, кто виноват и как экспроприировать экспроприаторов, великий пролетарский писатель сидел в углу, пил чай, курил папиросы и все записывал в записную книжку своей, как говорят, феноменальной памяти. Все эти бесконечные мутные разговоры потом всплыли в его бесконечном и таком же мутном романе «Жизнь Клима Самгина». Может, Горький прожил бы у Васильева и еще год, кабы не новогодний карнавал в имении Бакуниных, в селе Прямухино, неподалеку от села Каменное. Алексей Максимович заявился туда в наряде странника и изображал Луку из своей еще не написанной пьесы «На дне». Что уж он там наговорил от имени Луки – неизвестно. Известно только, что после карнавала владельцы фабрики попросили его уехать от греха подальше. Он и уехал, а вслед за ним уехал и Васильев.

В том же доме, где гостевал у Васильева Горький, жил инженер-технолог Иван Иванович Ожегов. Иван Иванович не занимался революционной деятельностью, не руководил марксистскими кружками, а родил нам вместе со своей супругой сына Сергея Ивановича Ожегова, нашего известного лексикографа и составителя толкового словаря русского языка, выдержавшего в прошлом веке больше двадцати изданий в период с сорок девятого года по девяносто седьмой. В селе Каменном Ожегов прожил первые десять лет своей жизни. Говорят, что где-то в архиве ученого хранится первый, еще детский толковый словарик, размером с небольшую записную книжку и состоящий из нескольких серых и рыхлых, криво обрезанных листов самодельной бумаги, изготовленных Сережей Ожеговым под руководством отца.

Теперь в Кувшинове, на доме, где гостил Горький и родился Ожегов, висят две мемориальные доски, есть улицы Ожегова и Горького, а в Народном доме, который теперь называется Центром досуга, есть комната, заваленная старыми стульями, из-за груды которых торчит выкрашенная бронзовой краской гипсовая скульптура великого пролетарского писателя с отбитым носом.

Как бы к Горькому ни относиться, а именно он помог Юлии Михайловне Кувшиновой уехать в восемнадцатом году, после национализации фабрики⁴, невредимой в Москву, к племяннику, и получить в столице то ли квартиру, то ли комнату. Кажется, потом она смогла выбраться в Чехословакию и последние годы жизни провела там, а где «там» и где была похоронена – так никто и по сей день не знает.

«Бумажник»

После национализации настали трудные времена. Фабрика была на грани закрытия. Новорожденную социалистическую собственность стали расхищать новорожденные социалистические собственники. Ни с того ни с сего возникли пожары на бумажном и картонном заводах. Пришлось создать рабочую сторожевую охрану. Не было сырья, не было топлива. В добавление ко всем несчастьям кончились деньги, которые печатали в столице. Но это как раз и не вызвало беспокойства. Нет ничего проще, чем напечатать свои, местные. Хранятся теперь

---

³ Именно Юлия Кувшинова, прочитав один из рассказов Горького, посоветовала Васильеву отправить его, пусть и без ведома писателя, в редакцию газеты «Московские ведомости». Рассказ напечатали, и это была первая публикация Горького в центральной печати.

⁴ К семнадцатому году на фабрике и связанных с ней торфоразработках и железной дороге работало около четырех тысяч человек. На шести бумагоделательных машинах выпускалось тринадцать тысяч тонн печатной, писчей, тетрадной, почтовой, чертежной, с водяными знаками и оберточной бумаги в год.

в музее маленькие бумажные прямоугольники достоинством в один и три рубля с печатью, на которой расплываются звезда и буквы ВСНХ, а поверх печати, подписи какого-то уполномоченного и надписи «Три рубля» напечатано красивым шрифтом «Каменская Писчебумажная Фабрика бывшего Товарищества М. Г. Кувшинова». Знал бы Михаил Гаврилович, какую печать станут ставить на его фамилию...

Производство в довоенном объеме восстановили уже к двадцать четвертому году. В тридцать шестом открыли тетрадный цех и стали выпускать восемнадцать тысяч тетрадей за смену в восемь часов семью рабочими или шесть миллионов школьных тетрадей в год. Тех самых, на которых в моем детстве на задней странице обложки печатали пионерскую клятву, гимн пионеров и таблицу умножения. Власти доверили каменским бумажникам самое дорогое – делать бумагу для собрания сочинений Ленина. Бумагу они сделали отличную. Таковую, которая смогла вытерпеть даже то, что написал вождь мирового пролетариата.

В тридцать втором году отделение спортивного общества «Писчебумажник», организованное в двадцать пятом, в связи с обострением классово-борьбы решительно переименовали в «Бумажник». В тридцать пятом по просьбе рабочих фабрике присвоили имя Кирова. Еще и поставили ему памятник возле заводоуправления. А куда, спрашивается, было деваться... Зато через три года по просьбе тех же рабочих Каменное переименовали в Кувшиново.

В сороковом году по приказу Наркомата бумажной промышленности открыли техникум, чтобы готовить кадры для всей страны, а через год началась война и линия фронта придвинулась к границам района. Поначалу оборудование и специалистов эвакуировали на восток, но уже в декабре сорок второго, после разгрома немцев под Москвой, стали фабрику восстанавливать. На кувшиновской бумаге печатали газету Калининского фронта «Вперед на врага». В сорок четвертом достигли довоенного уровня производства. И это при том, что каждый второй из трех тысяч ушедших на фронт рабочих и специалистов фабрики не вернулся.

После войны освоили новую конвертную машину и стали выпускать по два миллиона конвертов в месяц. Между прочим, при царе складывали эти конверты вручную, пока руки не отвалятся, и все равно больше двухсот тысяч в месяц никак не получалось. В сорок седьмом установили новый сучколовитель Джонсона, против которого старый сучколовитель Хауга просто плюнуть и растереть. Потери волокна снизились с десяти до трех процентов. А новейшие флотационные ловушки волокна Свен-Педерсена, установленные в том же году? Промой волокна снизились почти в три раза... или увеличились... Короче говоря, стало очень хорошо, потому что достигли экономии волокна на сумму миллион рублей в год. И это при том, что до семнадцатого года таких ловушек вообще не существовало. Социалистическое соревнование разгорелось с такой силой, что фабрика трижды завоевывала переходящее Красное знамя Наркомата лесной промышленности, причем во второй раз с вытканными на знамени серебряными еловыми ветвями, а в третий – с серебряными ветвями и золотыми шишками. В семидесятом году за достигнутые производственные успехи фабрике, которая к тому времени стала называться целлюлозно-бумажным комбинатом, вручили на вечное хранение красное знамя райкома партии и исполкома райсовета, а через пятнадцать лет эта вечность кончилась и знамена перестали быть красными.

Читатель ждет уж рифмы «все пропало, разруха, разворовали, уехали в Москву на заработки охранниками»... Не дождется. Не разрушили, не разворовали и не уехали в Москву. Старое советское оборудование заменили новым – финским и итальянским, собрали новую бумагоделательную машину, стали выпускать переплетный и гофрированный картон отличного качества, и даже местная футбольная команда «Бумажник» разгромила, правда на своем поле и с перевесом всего в один мяч, команду из Вышнего Волочка.

Ваза с бумажными лилиями

В двенадцатом году на главной площади Кувшинова, напротив Народного дома, который построила Юлия Михайловна Кувшинова, поставили ей бронзовый памятник. На этой, почти сахарной ноте надо бы и закончить рассказ о Кувшинове⁵. Я бы и закончил, кабы не прошелся по коридорам Народного дома и не побывал в музее. Плохо Народному дому. Последний ремонт в нем делали, кажется, еще при Кувшиновой. В коридорах пахнет сыростью, плесенью и неисправной канализацией. Татьяна Васильевна Кузьмина, хранительница музея, рассказала мне, что крыша у дома течет. Могла бы и не рассказывать – это видно невооруженным глазом в каждой комнате и каждом зале дома. Однажды, ближе к ночи, проезжал мимо Кувшинова самый главный из справедливых россиян – Сергей Миронов. Пожелал он осмотреть музей. Вызвали из дому по боевой тревоге Татьяну Васильевну, и битый час рассказывала она Миرونору об истории Каменской бумажной фабрики. В конце рассказа не удержалась и попросила высокое начальство помочь с ремонтом крыши. Начальство пообещало непременно помочь, кого надо приструнить и денег на ремонт выдать. Засим оно напустило сладких розовых слюней в книгу отзывов музея, витиевато расписалось и укатило то ли на Селигер к молодым нашим, то ли в Москву, греть в Думе начинающее остывать кресло.

В музее есть еще один памятник Кувшиновой. Его к двухсотлетию фабрики изготовили рабочие. Его на площади не поставишь, поскольку сделан он из гофрированной бумаги и гофрированного картона. Надо сказать, очень искусно сделан. Точно из такого же картона изготовлены любимое кресло Кувшиновой и столик с гнутыми ножками, на котором стоит бумажная ваза с бумажными лилиями, старая фотография кувшиновской фабрики в резной картонной рамке и маленькая, в четверть метра ростом, бумажная фигурка женщины с пышной прической, в платье с буфами и бантиком, с веером в руках и крошечным, исписанным микроскопическими буквами письмом в руках. У ног картонной Юлии Михайловны стоят женские кожаные ботинки. Те самые, которые она носила. От времени, от сырости в музее голова Кувшиновой немного наклонилась к правому плечу, и от этого вид у скульптуры несколько задумчивый и печальный⁶.

Июнь 2014

Библиография

Владимирова Л. А. История Каменской бумажно-картонной фабрики // Из истории тверского предпринимательства. Тверь, 2008. С. 54–57.

Село Каменное на старых открытках. Каталог. Издание юбилейное, к 2010-летию Каменской бумажно-картонной фабрики. / Составитель А. Н. Семенов. Тверь, 2009. 40 с.

---

⁵ Понятное дело, что не все так хорошо, как хотелось бы. И Осугу в мае этого года отравили так, что от воды за версту несло сероводородом и рыба мертвая всплыла вместе с бобрами, и понятно, что отравить ее некому, кроме как... известно кому, и переход на современное импортное оборудование на фабрике вместе с автоматизацией привел не только к увеличению выпуска продукции, но и к сокращениям. Уезжают из Кувшинова не только рабочие, но и специалисты. И местные депутаты с местными властями... такие же, как и везде. Впрочем, гладко бывает только на бумаге. Особенно на кувшиновской.

⁶ Над последней, завершающей фразой рассказа о Кувшинове я долго ломал голову, но она у меня так и не получилась. Сначала я написал, что на гранитный постамент стоящего на площади памятника Юлии Кувшиновой постоянно залезают маленькие дети, которых у нее не было в прошлой жизни, и, цепляясь за складки ее бронзового платья, чтобы не упасть, ходят и ходят кругом памятника, как неученые котята по цепи... Я хотел, чтобы фраза была красивой, но не слишком, а получалось слишком. Пусть уж будет без нее. Захотите – сами придумаете.

СОЛЬ ГАЛИЧСКАЯ

Солигалич

В уездные города Костромской губернии всегда въезжаешь с облегчением и радостью. Чем дальше в глубь губернии заберется город – тем облегчение больше, поскольку пытка костромскими дорогами наконец-то заканчивается. В Солигалич, который расположен на самом севере области и дальше которого дороги нет, въезжаешь с облегчением таких размеров... что оно уже и по-другому называется. Директор местного краеведческого музея в ответ на мои жалобы касательно качества дорожного полотна, которое, кажется, состоит из одних перегородок между дырами в асфальте, посмеялась и сказала, что до восьмидесят четвертого года прошлого века никакого шоссе между Костромой и Солигаличем вовсе не было, а были бревна, которые укладывали в дорожную колею между этими городами. Езда по этим бревнам была сущим мучением – автобус мог пройти (именно пройти, а не проехать) девяностоклометровое расстояние от Солигалича до Галича только за полдня⁷. Впрочем, при советской власти тем солигаличанам, которые хотели быстро попасть, к примеру, в Кострому, достаточно было купить за три рубля билет и на рейсовом кукурузнике долететь до столицы области меньше чем за час. Теперь след этих кукурузников в небе над Солигаличем не только простыл, но даже и заледенел. Приходится ездить по дороге, которую как заасфальтировали почти тридцать лет назад, так и... гостиницу «Солигалич», построенную лет сто назад, не ремонтировали, кажется, лет триста.

За дверью, обитой еще советским дерматином, сквозь дыры в котором торчала коричневая от старости вата, находились, кроме нескольких гостиничных номеров, парикмахерская «Мечта», местное отделение «Ростехинвентаризации», нотариус и пункт выдачи полисов. Внутри, в холле, рядом с современным телефоном-автоматом висел на стене еще один – древний и угловатый, с диском и давно умершей трубкой на витом шнуре. На другой стене висела репродукция «Утра в сосновом лесу», на которой давно состарившиеся медведи лежали у поваленной сосны и не шевелились. Холл второго этажа украшали обои с лебедями и стоящая на подоконнике пятилитровая кухонная кастрюля с растением фикус. На боку кастрюли масляной белой краской было написано «Окурки в горшке не тушить!». Из кранов в гостинице текла ледяная и такая железная вода, что струйку можно было бы отклонить магнитом, если бы я его догадался взять с собой. Из удобств постояльцам предоставлялись электрические чайники, советские трюмо с одной зеркальной створкой, нескрипучие полы и тишина за окном. Тишина в Солигаличе такая, что обычные наручные часы, тиканье которых в столице не услышишь и со слуховым аппаратом, можно легко услышать невооруженным ухом. Впрочем, тишина предоставлялась лишь на время. Часам к девяти вечера в бар «Ручеек», расположенный напротив гостиницы, сошлись и съехались его завсегдатаи и не могли разойтись, разъехаться или хотя бы расползтись без помощи полиции и полицейской собаки до четырех утра.

Князь Федор Семенович

Оставим, однако, и гостиницу, и бар «Ручеек» с его шумными завсегдатаями и переместимся в те далекие времена, когда на их месте шумели вековые сосны и дубы. Дата основания Солигалича известна точно – 5 мая 1335 года. Эта дата написана в летописи солигаличского Воскресенского монастыря. Основан он был галицким князем Федором Семеновичем.

---

⁷ Улицы самого Солигалича были заасфальтированы только в девяносто пятом году. Если быть точным, то заасфальтировали чуть больше половины – тридцать восемь улиц из шестидесяти четырех.

Около трети капитального труда замечательного советского историка науки и солигаличанина Н. А. Фигуровского «Очерки истории Солигалича» посвящено вопросу, был ли на самом деле галицкий князь Федор Семенович. С одной стороны, был не только он, но даже и родной брат его Андрей, с которым Федор Семенович без устали враждовал, а с другой, по версии директора солигаличского музея... Федором Семеновичем звали боярина Морозова, одного из тех Морозовых, которые заведовали солеварением в Галицком княжестве. Просто его решили уважить монахи солигаличского Воскресенского монастыря и написали в своей летописи его имя и отчество. Их можно понять. На самом деле версий этих еще больше, чем списков с «Воскресенского летописца», которых на сегодняшний день существует не меньше восьми. Жаль, оригинал летописи так и не нашли. Одну из первых копий «Воскресенского летописца» сделали для Карамзина в те поры, когда он работал над «Историей государства Российского». Николай Михайлович летопись почитал, почитал... и сказал, что все это новая сказка. И князей таких не было, и в других летописях они-де не упоминаются. Правду говоря, все эти разборки между историками и архивистами могут завести наш рассказ в болото, а этих болот вокруг Солигалича...

Так или иначе, человек, похожий на галицкого князя и по имени Федор Семенович, приказал расчистить место в дремучем лесу в ста километрах севернее Галича и на этом месте заложить церковь Воскресения Христова, от которой пошел Воскресенский монастырь, от которого, в свою очередь, пошел поселок Соль, от которого пошел и до сей поры идет город Солигалич⁸. Легендарный Федор Семенович переселил из галичских вотчин и приписал к Воскресенскому монастырю самых обычных, нелегальных крестьян, которые основали деревни и села, многие из которых существуют и по сей день. Тут надобно сказать, что в самом начале своего существования Солигалич назывался Солью Галичской⁹.

Соль в этих краях добывали еще с незапамятных времен. Бурили глубокие колодцы, бадьями поднимали из них рассол, который наливали в большие железные сковороды, разводили под ними огонь и вываривали соль¹⁰. Потому-то и на гербе Солигалича нарисованы три кучки соли. Потому-то и к концу XVIII века в окрестностях Солигалича повыварили не только дремучие леса, но и те, которые только собирались стать дремучими, но не успели.

Пока Воскресенский монастырь был маленьким и деревянным, пока строились мельницы, пока копались соляные колодцы, пока строились варницы, пока рубились для них дрова, пока были пусты соляные, зерновые и мучные амбары, закрома, сусеки и кладовые – мало кто интересовался Солью Галичской. Но как только... Первыми, еще до татар, пришли вятские и ветлужские черемисы. Они же пришли и вторыми, и третьими. Этих охотников до чужого добра кое-как отогнали. Уже через двадцать лет после основания монастыря сын Федора Семеновича Андрей Федорович устроил вокруг него острог и поставил во главе острога боярина Золотарева. Еще через двадцать лет Андрей Федорович умер, и княжить стал его сын Иван Андреевич, которому было двадцать лет от роду к моменту вступления в должность. И тут в четвертый раз пришли битые, но упорные черемисы, прихватившие с собой для верности

---

⁸ Понятное дело, что в летописях все просто не бывает. Сначала Федор Семенович в Пасхальную ночь увидел на севере огненный столп и услышал гром, но не сразу понял, откуда он, и еще неделю блуждал со свитой по лесам, пока монах-отшельник не показал ему точное место, из которого этот самый огненный столп зародился. На этом месте и была заложена церковь. Кое-кто из современных историков утверждает, что в том месте еще до закладки церкви был соляной колодец и Федор Семенович и не думал блуждать, а сразу направился... Ну и пусть утверждают. С огненным столпом и громом все куда как красивее.

⁹ Достойн удивления тот факт, что впервые Солигалич упомянут в летописи не по случаю его разорения татарами или поляками, не по случаю междоусобной вражды между многочисленными князьями, их детьми и родственниками, не по случаю упоминания в духовной грамоте Ивана Калиты, а по случаю собственного основания. Редкий, надо признаться, в нашей истории случай.

¹⁰ Колодцы и варницы, в которых выпаривали рассолы в Солигаличе, имели свои имена, порой довольно затейливые. В дозорной книге Солигалича 1614 года упомянуты колодцы «Бочкин пуст», «Швак», «Чертолом», «Неволя», «Детинец Большой», «Детинец Малый» и варницы «Сутяга», «Погорелиха», «Позориха» и «Засериха».

ногайцев и их воевод. Монастырь был разграблен и разрушен до основания, монахов поубивали, посад и окрестные деревни пожгли, разграбили и многих увели в полон. Не прошло, однако, и нескольких лет, как жизнь в эти места вернулась и новые мешки с новой солью заполнили новые амбары.

Котлы-кипелицы

На этом месте легендарные времена кончаются, галичские князья через малое время теряют свой удел, и Галич вместе с Солью Галичской входит в состав Московского княжества. На смену легендам приходит скучная и дотошная московская бухгалтерия. Дмитрий Донской хоть и отдает своему сыну Галич, но Соль Галичскую отписывает своей жене Евдокии, а соляные колодцы, варницы, дровяной двор, двор для приезжающих старцев, село Борисовское с деревнями достаются московскому Симонову монастырю в качестве вклада «по своей душе на поминок, в наследие вечных благ»¹¹. Вслед за Симоновым монастырем поближе к источникам соляных доходов подтягивается и Троице-Сергиев монастырь, которому Василий Второй дал большие льготы по части солеварения. Вслед за Троице-Сергиевым монастырем на вкус соли в эти места пришло еще четыре монастыря. В это же самое время, в XIV и XV веках, к крестьянам, работавшим на соляных промыслах, рубившим дрова и пахавшим землю, несколько раз приходили неурожай, засуха, ранние заморозки, проливные дожди, голод, холера и легочная чума из Германии.

Татары из Казани приходили ко всем – и к бедным, и к богатым. В конце XV века пришли и, как писал игумен Воскресенского монастыря Парфений, «сожгли погост, да двор монастырский, да церковь», а в 1532 году «приде рать велика поганых варвар в Галичские пределы и доидоша варвары до града Соли Галицкой зело величахуся и хваляхуся град тот взять». Не получилось у них. И на штурм крепости ходили и пытались ее поджечь – не получилось. Три дня и две ночи жители посада и окрестных деревень кричали татарам неприличные слова, которым у них же и научились за столетия ига, стреляли в них стрелами, лили со стен крепости на головы атакующим кипящую смолу и кипяток. Между прочим, один из толстостенных двадцативедерных котлов-кипелиц, в котором солигаличане кипятили воду и смолу, по сей день хранится в запасниках местного краеведческого музея. Изготовили его местные мастера. Те, которые в мирное время клепали огромные сковородки для выпаривания соли. Даже и железо выплавили из местной болотной руды. Говорят, что этот котел за пятьсот без малого лет почти не заржавел, а все оттого, что изготовлен был из очень чистого железа без примесей серы, фосфора и углерода. В точности как знаменитая железная колонна из Дели, которая не ржавеет уже полторы тысячи с лишним лет. Про делийскую-то колонну доподлинно известно, что изготовили ее инопланетяне, а про котел из Солигалича... Ну кто, спрашивается, поедет смотреть на котел, изготовленный обычными мужиками...

---

¹¹ Не все, конечно, могли себе позволить такой богатый вклад «на помин души». В книге «Очерки средневековой истории Солигалича» Н. А. Фигуровского описан случай, когда некая черница Анна за внесение в поминальный синодик ее мужа и ее самой передала в качестве вклада Троице-Сергиевому монастырю принадлежавшую ей половину соляного колодца и четверть варницы. Там же написано о том, что вдова некоего Зиновия Кононова по прозвищу Сирена Толстоухова передала монастырю дровяное кладище и еще дворище, а Иоиль Подосен Тимофеев Касаткин передал монастырю дворовое место и дровяное кладище, а Плохой Григорьев сын Успенский... Нет, вы только представьте себе женщину по прозвищу Сирена Толстоухова... Ох, не зря она была вдова. Так и вижу ее покойного мужа Зиновия, тщедушного, плешивого и гундосого, похожего на лесковского Зиновия Борисыча из «Леди Макбет Мценского уезда». Уж она и орала на него благим и самым обычным матом (за что и была прозвана соседями Сиреной Толстоуховой), и кулачищем своим пудовым прикладывала, и «Зиной» дразнила, и даже сыпала соль на раны, подмигивая из окошка проходящим мимо солидным плечистым солонкам и молоденьким подваркам, а как помер муж – так сразу монастырю на помин его души и отписала дровяное кладище вместе с дворищем. И то сказать – кто его знает, как он помер? Может, спьяну упал по весне в полынью на реке Костроме, может, зимой в дремучем лесу задрали волки и его самого, и лошадь по дороге в Чухлому, а может, просто на ночь поел грибков с кашей, а наутро глядь – он уж весь синий и не дышит.

Вернемся, однако, под стены крепости. Через три дня безуспешной осады татары начали понимать, что из-под стен Соли Галичской придется им уходить несолоно хлебавши. «Начаша полки своими мятися и зело страх велий нападе на ня и не ведаху: камо бежати...» Через три дня и час с небольшим они поняли это окончательно, оседлали своих низкорослых кривоногих лошадок, взмахнули нагайками, свистнули разбойничьим посвистом и ускакали домой в Казань рассказывать о том, что соль – это белая смерть. Особенно та, которую получают в Солигаличе.

На радостях богобоязненные солигаличане победу над врагами приписали не столько своему мужеству и упорству, сколько чудесному заступничеству преподобного Макария Унженского. Кто-то из жителей города видел или кто-то слышал от того, кто видел, как преподобный Макарий во время осады появлялся на валу на коне и багряным плащом своим прикрывал город. Татары, судя по всему, тоже видели преподобного Макария, но никому рассказать о виденном уже не смогли. В «Житии преподобного Макария Желтоводского и Унженского» сказано, что «погани ослепли и сами себя изрубили». По случаю чудесного избавления от страшной напасти солигаличане постановили каждый год праздновать это событие в день памяти преподобного Макария и при церкви Успения, которая находилась внутри земляного вала крепости, построить особый придел во имя Макария. И построили. Деревянная церковь стояла, стояла да и пришла в негодность. Ее заменили новой, которая сгорела дотла. Наконец, в конце XVIII века на этом месте построили каменный храм, который простоял до тридцать седьмого года прошлого века. Перед его входом можно было видеть стоящие на земле, надетые друг на друга два котла-кипелицы. И тут власти решили устроить в Успенском храме местную электростанцию...

Теперь на этом месте только развалины храма, развалины каменного дома да крепкий двухэтажный деревянный жилой дом, возле которого можно видеть на диво ухоженный огород с грядками по линейке, да чуть поодаль от дома одинокая сосна.

Что же касается подземного хода, который соединял крепость с другим берегом реки Костромы, то в его существование в Солигаличе верят не только люди, но даже и кошки с собаками. Сколько раз принимались копать в том самом месте, где он должен обязательно быть... В начале прошлого века московский археолог Дунаев вместе с местными жителями, от помощи которых он так и не смог отказаться, прокопал длинную глубокую траншею на юго-восточном углу вала и... ничего не нашел. И хорошо, что не нашел. Легенде о подземном ходе подземный ход не нужен. Может, археологам он и нужен, чтобы писать о нем ученые статьи в научных журналах, а вот солигаличанам нужна легенда, чтобы и через сто, и через двести лет ставшие взрослыми солигаличские мальчишки могли при встрече сказать друг другу: «А помнишь, Петька, как мы с тобой подземный ход искали из крепости? У меня тогда неделю от лопаты волдыри на ладонях не проходили».

Через двадцать лет после неудачной осады Соли Галичской была взята Казань и с набегами татар было покончено. Москва вздохнула спокойно... а до медвежьего угла, в котором находилась Соль Галичская, спокойствие медленно шло не год и не два. Мелкие шайки татар и черемисов через пять лет после взятия Казани внезапно подошли к Соли и сожгли посад вместе с Воскресенским монастырем¹². Спаслись только те жители посада, которые успели затвориться в крепости.

В следующий и последний раз Соль Галичскую разорили во времена Смуты. Сначала солигаличане поддержали Галич, который поднял восстание против поляков, и призвали к тому же жителей Тотьмы и Вологды. Хитрые Тотьма¹³ и Вологда обещать обещали, но соби-

---

¹² Как если бы сейчас мелкие шайки коммунистов нападали на райкомы единоклассников, грабили их, отнимали у них бизнес и привилегии, уводили в плен мелких партийных функционеров и продавали в рабство их самих и их голоса другим партиям.

¹³ Самое удивительное то, что тотмичей в Солигаличе не жалуют и по сей день. Говорят, что в одном солигаличанине совести столько, что хватит на десяток тотмичей. И землю тотмичи никогда не обрабатывали, и ремеслом никаким не

рались на войну так долго, что поляки под командой пана Лисовского успели разгромить и Кострому, и Галич и послать к Солигаличу отряд пана Пудковского, чтобы привести город к присяге Тушинскому вору и заодно потребовать от жителей контрибуцию в двести пятьдесят рублей. Солигаличане сначала ни присягать, ни, тем более, платить не хотели, но как пересчитали свои запасы пороха, ядер и пуль, как осмотрели свою обветшавшую крепость... и присягнули, и заплатили. Увы, Солигалич это не спасло. Город, посад и торговые ряды были сожжены, а жители разбежались по окрестным лесам. К счастью, тогда они еще были вполне дремучими, и в них было множество хитро устроенных засек на случай войны. В объяснительной записке по поводу своих действий царю Василию Шуйскому солигаличане писали: «И мы сироты твои государевы, слыша от воров и литовских людей и от бояр великое разорение, и жон своих и детей великий позор, да побегли от них на лес, в засеки, и животишка свои пометали... И после нас, как мы побежали в забеги, на посаде дети боярские животишка наша, и по деревням пограбили. А бегали государь в забеги для того, что у нас у Соли около посаду острогу нет, а город сгнил и развалился и твоего государева наряду и зелья нет, крепиться нечем...»

Потом снова была война, потом галичане и солигаличане из лесу, из засек слали письма в Тотьму, Вологду, Великий Устюг и звали, просили, требовали подмогу, и опять была война, и Лисовский с поляками, литовцами, казаками и перешедшими на их сторону детьми боярскими ушли к Москве, и подошли наконец подкрепления из Тотьмы, Сольвычегодска, Великого Устюга, Перми и даже из невообразимо далеких, находящихся на другом конце света Кайгорода и Выми, о которых никто и не знал даже, что они существуют, потом солигаличане бились под командой Скопина-Шуйского, Прокопия Ляпунова, Минина и Пожарского до тех пор, пока поляков не прогнали насовсем.

Через год после того, как поляков прогнали насовсем, оказалось, что это насовсем касается Москвы, а Солигалича не касается вовсе. И снова повторилась история почти столетней давности с татарами и их друзьями черемисами. Только на этот раз были шайки поляков, литовцев и казаков, которые сожгли и разграбили Соль Галичскую в самый последний раз, а через два года они сделали то же самое в тот раз, который идет за самым последним.

Соловары и подварки

После того как все, что можно, и даже то, что нельзя, было сожжено, разграблено и разрушено, наступил долгожданный мир. Через три или четыре года были восстановлены посад и городская крепость, а вместе с ними ударными темпами были восстановлены и соляные промыслы. Уже в первом послевоенном десятилетии варницы Соли Галичской давали не менее двухсот тысяч пудов соли ежегодно. Только промыслы Симонова монастыря давали двадцать тысяч пудов в год из двух колодцев и пяти варниц. Доходов от продажи соли стало поступать столько, что кое-кто из монастырской братии понашил себе дополнительных потайных карманов на рясах.

В середине XVII века, в эпоху расцвета солеварения, промышленный Солигалич представлял собой довольно неопрятное зрелище. Штабеля дров, ручьи рассола, текущие по земле, насквозь прокопченные и просоленные соловары и подварки с их мужицкими солеными шутками, чад и дым, непрерывно валивший клубами из варниц... Правду говоря, особенной дружбы между соловарами не было. Конкуренту могли и варницу поджечь, и водоотводную трубу продырявить, а могли и бадью, которой поднимали рассол на поверхность, на голову надеть по пояс. Вместе с рассолом. В повести о том, как поссорились соловары Симонова и Троице-Сергиева монастырей, есть рассказ о том, как троицкий старец Тихон и его слуга

известны, а все больше торговали да были приказчиками. И вот еще что. Никто их тотмичами и не зовет. Только толшмяками [Толшма – река, протекающая в тамошних краях.]. Солигаличские старики так и говорили: «Там, где толшмяк прошел, там...»

Гаврила Опочинин шли мимо варниц Симонова монастыря с дровами, а симоновский соловар Богдан Григорьев «учал их лаять всякою неподобною лаею и крикнул из своих варниц многих незнаемых людей ярыжных и учили де того старца троецкого и слугу бить и грабить». Замирить монастыри удалось только патриарху.

Тем не менее весь XVII век город богател, богател... пока более дешевая соль из Соликамска, Соль-Илецка и других мест не сделала производство соли в Солигаличе убыточным. Поди потягайся с Соликамском, если в тамошних рассолах почти двадцать процентов соли, а в солигаличских всего три. Тут впору горько заплакать солеными слезами. Власти, однако, привыкли к большим налогам, которые поступали в казну от соляных промыслов, и вовсе не желали их терять. В царствование Алексея Михайловича надзор за соляным делом был передан в ведение Тайного приказа. Московские особисты считали, что соль можно добывать везде, где прикажет начальство, а потому было приказано возобновить солеварение даже там, где оно было давно заброшено. «Бурить надо глубже, а не кивать в сторону Соликамска», сказала руководство Тайного приказа. Солигаличане бурили, не кивали, а толку от этого... Тогда начальство приказало привезти в столицу необходимое для бурения колодцев оборудование вместе с обслугой и устроить сначала показательный, а вслед за ним наказательный мастер-класс по добыче рассола прямо в Москве. Почему-то они в Тайном приказе думали... Нет, тут, видимо, нужен другой глагол. В Солигаличе послушаться приказа не посмели. Привезли и трубы, и бады, и сковородки для выпаривания соли. Пробурили три преглубокие скважины, но почему-то оказалось, что рассола в них...

Наказывать солигаличан не стали, хотя было и понятно, что некому быть виноватыми, кроме них. Ограничились тем, что отослали их восвояси со строгим наказом продолжать бурить дома. Не то чтобы они не бурили. Бурили. И государство их бурило то новым Соляным уставом, то штрафами по полкопейки за каждый недоданный пуд соли, то повышением соляного сбора, то обязательством создавать запасы соли, то ограничением продажи соли для домашних потребностей... К началу XIX века соль в Солигаличе добывали лишь домохозяйки в количествах, потребных для засолки огурцов, капусты и рыжиков, дети, когда играли в соловаров, да купец Василий Кокорев, которому в 1821 году решением Государственного совета все солигаличское Усолъе было отдано в вечное и потомственное владение «для учреждения на оном солеваренного производства». Еще на десять лет вперед Кокорева освободили от соляного акциза – лишь бы взял. Расчистили старые колодцы и сразу поняли, что рассолы в них слабые и надо бурить глубже, как некогда завещал Тайный приказ. Кокорев надеялся добраться до таких пластов, где рассол не будет сильно разбавлен грунтовыми водами. Бурили девять лет и за эти годы смогли продвинуться по направлению к центру Земли на двести пятнадцать метров. За это время Кокорев понял, что процесс достижения цели интересен гораздо более ее самой. На Костромской губернской выставке он даже представил модель рассольной трубы с присовокуплением моделей всех употреблявшихся при бурении инструментов. На глубине около семидесяти метров из скважины забил на высоту трех метров источник минеральной воды – чистой, прозрачной и солено-горькой на вкус. Больше в этой скважине не было ничего.

«Бородино»

Стало понятно, что солигаличскую контору глубокого бурения надо закрывать, как убыточную по всем статьям. Ее и закрыли в 1840 году. Пятисотлетняя история солеварения в Соли Галичской закончилась... и началась история солигаличских минеральных вод. Еще Василий Кокорев утверждал, что он сам попробовал минеральную воду и выздоровел. Надо отдать должное его практической смекалке. Василию Александровичу на тот момент было двадцать

два года от роду, и здоровьем его Бог не обидел¹⁴. Самое удивительное, что солигаличане тоже стали пить эту воду с лечебной целью и принимать из нее ванны. Через малое время к солигаличанам присоединились жители окрестных деревень, а через год после закрытия солеваренного завода медицинский департамент Министерства внутренних дел по представлению Кокорева официально разрешил пользование водами артезианского колодца для лечения. Для пущей убедительности к представлению были приложены свидетельство Костромской врачебной управы и «Книга о лечении водами» с собственноручными расписками семидесяти четырех особ, коим лечение помогло. В том же году Кокорев открыл в Солигаличе водолечебницу и через несколько лет пригласил для химического анализа воды не кого-нибудь, а самого Александра Порфирьевича Бородина. Тот как раз только что получил степень доктора медицины. Целое лето провел Бородин в Солигаличе, анализируя местную воду, наблюдая за лечебными процедурами и не забывая при этом сводить с ума игрой на рояле местных дам и девиц.

Водолечебница существует и по сей день. Называется она «Санаторий им. А. П. Бородин». Отдыхающие говорят: «Бородино». Им так проще. Рано утром и вечером, при отходе ко сну, из санаторных динамиков раздаются могучие звуки арии князя Игоря из одноименной оперы Александра Порфирьевича. Не всем отдыхающим, особенно тем, кто страдает расстройствами нервной системы, нравится эта мелодия. Уж они просили администрацию заменить Игоря на половецкие пляски или хотя бы на плач Ярославны и даже писали коллективную жалобу в Москву, в Минздрав, но тамошние чиновники никогда дальше Костромы и не ездили и про слово «Солигалич» думают, что это название танца вроде хали-гали, не говоря о санатории. Бородин, вишь, им не нравится... Между прочим, в начале прошлого века у входа в санаторий каждый вечер играл, приглашенный местным земством струнный оркестр слепых из Костромы. И никто не жаловался.

Более всего, однако, лечебница Кокорева помогала здоровью учеников духовного училища, окна которого находились напротив водолечебницы. По воспоминаниям профессора Московской духовной академии Е. Е. Голубинского, который учился в этом училище через несколько лет после открытия санатория, «учителя секли нас с осторожностью, так как крик лежащих под лозой слышен был в ваннах, где сидели больные».

Вообще говоря, событий в захолустном Солигаличе в XIX веке было крайне мало. Вот разве что после Русско-турецкой войны прислали в город пленных турок, которые построили мост через Шашков ручей, несколько домов и понашили местным модницам кожаные туфли отменного качества. Если бы турки не занесли в Солигалич эпидемию возвратного тифа, которым переболела часть населения города и уезда, то о них бы и вовсе вспоминали с благодарностью. Как и о сосланных поляках, которые туфель шить не умели, зато давали уроки музыки, поскольку среди них были скрипачи и пианисты. Вообще Солигалич был музыкальным городом. При каждой церкви был свой хор, певший в выходные и праздничные дни, регулярно давались концерты в общественном клубе, пелись романсы¹⁵ и даже арии из опер, а в лет-

---

¹⁴ О солигаличанине Василии Александровиче Кокореве надо сказать отдельно. Всю эту затею с водолечебницей он придумал, будучи совсем еще молодым человеком. И это было лишь начало его блистательной карьеры. Мещанский сын, самоучка, начинавший сидельцем в одном из питейных домов в Солигаличе, он стал первым в России нефтепромышленником и миллионером к тридцати трем годам. В 1857 году Кокорев построил возле Баку первый в мире нефтеперегонный завод, пригласил для улучшения работы завода не кого-нибудь, а Менделеева, тогда еще просто приват-доцента в Петербургском университете. Благодаря Кокореву Россия к концу XIX века давала половину мировой нефтедобычи. Это Кокорев был определен под негласный надзор полиции за публичные призывы к отмене крепостного права. Это его звали «экономическим славянофилом». За двадцать лет до братьев Третьяковых он основал в России первую частную картинную галерею и устроил для русских художников приют возле Вышнего Волочка. Это Кокорева Российская академия художеств удостоила звания почетного члена. Со всем тем, Василий Александрович имел, мягко говоря, «купеческий вкус». На столе у него стоял золотой лапоть, а шампанское он пил с квасом, рассолом и солеными огурцами. Ну да золотой лапоть – не золотой батон. Тем более что Кокорев его купил на заработанные, а не украденные деньги.

¹⁵ Раз уж зашла речь о романсах, то никак нельзя пройти мимо Николая Петровича Макарова, который хоть и родился в Чухломе, зато воспитывался у своих солигаличских теток М. П. Волконской и А. А. Шиповой. Макарова мы будем помнить

нее время офицер-делопроизводитель местного воинского присутствия устраивал прогулки на лодках с солдатами из местной воинской команды, умеющими играть на духовом инструменте. Сам он при этом играл на флейте...

Июльское солнце бесконечно долго садилось за громаду Рождественского собора¹⁶, по набережной Костромы прогуливались мужчины в мягких шляпах и форменных фуражках, дамы с кружевными зонтиками, мужики в смазных сапогах и носились в разные стороны мальчишки с семечками. На крылечках домов, украшенных затейливой резьбой, сидели кошки и намывали гостей. По стеклянной воде плыла лодка, в ней сидел молодой краснощекий солдатик и старательно выдувал на теноровом тромбоне или валторне вальс «Осенний сон», или «Ожидание», или «Над волнами», а флейта ему так подпевала, так подпевала... что чувствительные дамы нет-нет да и подносили к уголкам глаз крошечные надушенные носовые платки с еще более крошечными вышитыми монограммами, а их кавалеры смущенно покашливали.

Приличное случаю пальто

Кстати, о мужиках в смазных сапогах. Они в Солигаличе и уезде летом бывали редко. После того как соляной промысел приказал долго жить, подались они в отходники. Можно было, конечно, сеять пшеницу, рожь или даже выращивать в теплицах помидоры с баклажанами, но земля и лето здесь не такие, как в Курске или Воронеже, а зимой случаются морозы до сорока и больше градусов. Тем более что еще при царе Петре ездили на строительство Петербурга чухломские и солигаличские каменщики и плотники. Не по своей, правда, воле. Начало развиваться отходничество еще при крепостном праве. Оброк был помещику куда как выгоднее барщины. Ехали крестьяне в Петербург не на авось, не в надежде на любую работу, хотя бы и дворником, а готовились к этой поездке загодя, еще с детства. Мальчиков в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет отправляли обучаться ремеслам в столицу. Учились иконописному, водопроводному, малярному, бондарному, плотницкому, слесарному и токарному делу. Кого-то отдавали в учение мяснику, а кто-то шел по торговой части. Из Солигалича шли преимущественно кузнецы¹⁷ и слесари. Отдавали в обучение петербургским родственникам, имеющим ремесленное хозяйство, или петербургским ремесленникам, которые набирали мальчишек в обучение прямо в Солигаличе и окрестных деревнях через своих поверенных из местных крестьян. Родственникам отдавали просто так, под честное слово, а с чужими людьми родители мальчика заключали письменные условия. Условия простые: мальчика дерут за уши, таскают за вихры, показывают, каким гаечным ключом открутить гайку или каким колером красить стену, кормят так, чтобы с голоду не помер, обувают, одевают, лечат не больше месяца, а он не мог от хозяина уйти гулять без его разрешения, и гайку откручивай быстрее, и ключи подноси, и краски, кисти, водку, закуску, и сапоги с него сними, ежели он пьян. Особо оговаривалось, что родителям хозяин единовременно уплатит сумму от двадцати пяти до пятидесяти рублей. Одну часть ее давали в виде задатка, а другую часть – мальчику по окончании

и любить всегда не за то, что он был одним из первых русских лексикографов и составителем самого полного русско-французского словаря, и не за то, что он был виртуозом игры на гитаре и организовал на свои средства в Брюсселе первый международный конкурс гитаристов, а единственно потому, что Николай Петрович написал слова романса «Однозвучно гремит колокольчик».

¹⁶ Главный колокол на колокольне Рождественского собора весил 347 пудов, а на колокольне Воскресенского собора «всего» 215. Рождественский колокол был отлит в России, а на Воскресенском была латинская надпись «Хвала Богу построил Ассверус Костер в Амстердаме 1631 года для Солей». Когда эти два колокола между собой разговаривали, то в Солигаличе даже воробьи переставали чирикать.

¹⁷ Кузнецы в Солигаличе еще со времен солеварения были мастерами высокого класса. В Солигаличе вам любая собака расскажет, что на лезвии топорика, который был с собой у Ильича, когда он прятался в Разливе, стояло клеймо «Солигалич». Рассказы собак, между прочим, подтверждают воспоминания Зиновьева, жившего с Лениным в Разливе. Григорий Евсеич увидел это клеймо буквально перед носом, когда спорил с вождем мирового пролетариата об «Апрельских тезисах».

учения. Кроме того, на выход мальчику хозяин должен был купить приличное случаю пальто и «пинжак», каковые были прописаны отдельным пунктом в условиях. Все вместе это называлось «окопировкой».

Года через три или четыре мальчик заканчивает учебу и приезжает домой на зиму к родителям настоящим «питерщиком», как их называли в Солигаличе. Весной он снова возвращается в Петербург, но уже для самостоятельной работы. Через пару-тройку лет он уже и мастер, и завидный жених. Зимой женят его дома, и станет он ездить из Солигалича в Петербург и обратно до самой старости. Особым был ритуал возвращения питерщиков домой. Не дай бог молодому, особенно холостому, парню прийти домой пешком, в дорожной одежде, забрызганной грязью, – не только засмеют, но еще и замуж за такого никто свою дочь не отдаст. Реальный солигаличский пацан подкатывал к дому на тройке с колокольчиками и бубенцами. Такой выходил из саней в шубе и костюме, увешанный, точно елка, свертками с подарками для родственников. На самом деле бывало по-всякому. Бывало, ничего не заработает отходник или заработает, но проплет или проиграет в карты, и тогда родители, не желая ударить в грязь лицом перед соседями, сами покупали сыну костюм, для себя подарки и даже нанимали на соседней почтовой станции в Чухломе тройку. В таких случаях соседи, уже давно прознавшие обо всем от питерских знакомых и родственников, делали вид, что ничего не знали и не слышали. У самих тоже были взрослые сыновья...

Благодаря отходникам в Солигаличе даже простые бабы ходили летом с дождевыми зонтиками, привезенными мужьями из Петербурга. Мужчины щеголяли в жилетках, пиджаках, кожаных ботинках и галошах. Какие уж тут смазные сапоги. Нечего и говорить о сапогах. В домотканом и лаптях ходили только во время работ. В редком доме не было бумаги, чернил или карандашей.

В нынешнем Солигаличе отходничество снова расцвело. Вот только мальчиков не отдают в обучение в Петербург. Едут уже взрослыми мужиками работать охранниками и строителями. Теперь едут и девушки. Эти в основном по торговой части. По старой привычке едут в Питер, а не в Москву. Во время перестройки пробовали было в Москву, но... в Питер привычней. Там у многих солигаличан родственники. Да и весь XX век ездили, чтобы с голоду не помереть. А в сорок первом и сорок втором Петербург, который к тому времени стал Ленинградом, сам приехал в Солигалич. Приехали те, кто успел вырваться из осажденного города. В каждом доме проживало по четыре, а то и пять семей эвакуированных. Детский дом был переполнен. С продуктами в Солигаличе было немногим лучше, чем в блокадном Ленинграде. Уже через полгода после войны начался голод. На всю оставшуюся жизнь наелись картофельных очисток. В многодетных семьях, где продовольственного аттестата отца, ушедшего на фронт, никак не хватало на всех детей, девушки подходящего возраста бросали между собой жребий – кому идти воевать, чтобы не умереть с голоду. Холода в сорок первом стояли суровые даже для здешних мест. Температура опускалась до сорока шести градусов мороза. И в этот мороз надо было валить лес для фронта. Даже школьникам велено было стать сучкорубами. Они и стали. Сколько погибло их на лесоповале от голода и от того, что ходили в лютый мороз в обносках...

Многодушные Черевины

Если разобраться, то в Солигаличе и уезде последние несколько сот лет безвылазно жили только дворяне. Земли боярам и дворянам стали давать в этих местах еще при Михаиле Романове тем, кто отличился при освобождении Москвы от поляков. В царских жалованных грамотах писали «за московское осадное сидение королевичева приходу». Именно тогда возле соседней с Солигаличем Чухломы получил поместье шотландец Юрий Лермант, от которого и пошел род Лермонтовых. Перед отменой крепостного права в Солигаличском крае проживал восемьсот двадцать один дворянин. Правду говоря, некоторые из этих дворян были даже не

мелко-, а микропоместными. Их называли голышами, и владели они зачастую двумя или тремя крестьянами, а то и вовсе одним. Гольшей в уезде было около полутора сотен. Порой голыши занимали целые деревни. У такого, с позволения сказать, дворянина из недвижимости только и были изба, огород, несколько десятин пашни и сенокос, а из движимого – лошадь, кошка, собака, иногда куры. Образования они не имели, служить нигде не служили, руки вытирали о посконные штаны и сморкались в занавески, если они у них, конечно, были. Мелкопоместными считались те, у кого было от десятка до полусотни душ. Дворян, имевших более пятидесяти душ, называли многодушными. Многодушные за глаза презрительно называли мелкопоместных малодушными, а голышей и вовсе бездушными. Справедливости ради надо сказать, что в Солигаличе и уезде многодушных дворян было раз-два и обчелся. Самыми богатыми в уезде были семейства Черевиных и Шиповых. У Черевиных было семнадцать с половиной тысяч десятин земли. Они были, что называется, военной косточкой – лейтенанты флота при Елизавете Петровне, потом кригскомиссары, бригадиры, при Екатерине полковники лейб-гвардии и флигель-адъютанты при Павле. В музее портретами Черевиных кисти устюжанина Григория Островского увешаны стены целого зала. Заходишь в него и под взглядами Черевиных уже через минуту чувствуешь себя неловко от того, что ты не в напудренном парике, не в военном мундире и не при шпаге. Впрочем, там не только военные. Жены, матери, дети, бабушки и дедушки. И еще думаешь – черт бы побрал фотографию. Никто и никогда не скажет, глядя на твой портрет: посмотрите, как тщательно выписаны шнурки на его кроссовках или надкусанное яблоко на телефоне...

Но вернемся к портретам. В 1918 году из рук балерины Мариинского театра Анны Александровны Черевиной они перешли в руки антиквара по фамилии Апухтин, который немедля повез их в Солигалич и там, в водолечебнице, устроил выставку для всех желающих. Через шесть лет коллекция портретов попала в местный краеведческий музей и пролежала там в запасниках, понемногу осыпаясь и отсыревая, до того самого момента, пока директор костромского музея-заповедника Игнатъев в конце шестидесятых годов не увидел, не восхитился и не отвез несколько портретов в Кострому, чтобы определить их истинную ценность. В Костроме на них глянули... В следующую поездку в солигаличский музей Игнатъев поехал уже с самим Савелием Ямщиковым. Отобрали еще десять портретов для реставрации, а когда отреставрировали, то возвращать обратно в Солигалич эти портреты никто не захотел не только в Костроме, но даже и в Москве. Каких только порогов не обил директор солигаличского музея, пока коллекция портретов кисти Островского выставлялась в Москве, Ленинграде и Париже. Кострома стояла насмерть. Надо отдать должное Савелию Васильевичу – он понял свою ошибку и приложил все усилия для возвращения работ Островского в Солигалич. И через долгих восемь лет они вернулись в краеведческий музей имени адмирала Невельского.

Кстати, об адмирале Г. И. Невельском, чьим именем назван музей, который мог бы носить имя издателя И. Д. Сытина. Оба они – и Невельской, и Сытин – уроженцы здешних мест. В шестьдесят третьем году, когда шла речь о том, чье имя присвоят музею, разгорелись нешуточные споры. Как ни крути – Невельской был из дворян, а Сытин из крестьян, хоть и стал потом миллионером, но... Вспомнили краеведы, у которых память долгая и даже еще длиннее, давнюю историю, связанную с Сытиным. В 1924 году послали солигаличские краеведы ему в подарок роскошно изданную чуть ли не в единственном экземпляре книгу «Обследование села Гнездинова». Село это – родина Ивана Дмитриевича. В ответ краеведы ожидали, что Сытин подарит селу библиотеку, а он в ответ им тоже прислал книгу. Какая разница какую... Ну и что, что прошло с тех пор сорок лет. Хоть сто сорок. Никто ничего не забыл Ивану Дмитриевичу. Невельской подарил России целый Дальний Восток с устьем Амура и проливом Невельского, а Сытин... В следующий раз будет знать.

Воля ваша, а рассказ о Солигаличе, как и ремонт, невозможно закончить – его можно только прекратить. Прекратить, несмотря на то что я не успел сказать еще ни слова о том, что

в Солигаличе жил квартальный по фамилии Рыжов, который был прототипом главного героя повести Лескова «Однодум», что в нем жила Анемаиса Орестовна Чалеева, с которой Чехов списал Любовь Ивановну из «Дома с мезонином». Та самая, что рыдала мужским голосом.

Вот только еще одна цитата – и уж точно все. Это отрывок из письма солигаличанки Анны Ивановны Жижиковой своему мужу Василию Петровичу в город Петербург. Написано оно в начале прошлого века:

«Милому моему дорогому супругу Василию Петровичу от супруги твоей Анны Ивановны нижаючи кланяюсь и желаю быть здоровым. Милый мой дорогой супруг Василий Петрович, получила я от вас гостинцы, не знаю, как я вас благодарить и как за вас бога молить: 10 аршин ситцу, 7 аршин ткани, 2 плотка ситцовых и бруслет, получила серешки, фартук, 2 фунта кофия, 2 четверки чаю, флогон эксперту, банку гостинцев, 2 мыла, бумаги и конвертов. И все очень хорошо прислано...»

Милому дорогому нашему тятки Василию Петровичу кланяются тебе детки твои Иван, Петр и Алексей и дочь Шура. И просим у тебя заочного родительского благословения, которое может существовать по гроб нашей жизни, и благодарим вас на гостинцах и дай бог здоровье, дорогой наш тятка...

В дому все благополучно. Детки очень шибко бегают и Шура за ними бегаёт, не отстаётся. Макару отдано часы и пальто в горошек. Покуда хорошо все исправляется... И затем прощай, дорогой мой Василий Петрович. Остаемся живы и здоровы и тебе желаем от бога доброго здравие и всякого благополучия»¹⁸.

P. S.

Если ехать из Костромы в Солигалич и сразу за Чухломой повернуть налево, проехать по проселку километра полтора или два до ворот Авраамиево-Городецкого монастыря, войти в них, подняться на самую вершину холма, на которой стоит собор, сесть на укрепленную гранитными валунами скамейку, которая устроена над высоким обрывом, и сидеть на ней полчаса или хотя бы четверть часа, и смотреть, не отрываясь, на Чухломское озеро, на плавающее в нем небо, на облака в этом небе, на сосны по берегам этого неба, то можно почувствовать себя и сосной, и озером, и облаком, и небом, и даже жаворонком, если вы, конечно, сможете углядеть его в небе, которое внутри вас.

Май 2014

Библиография

Белоруссов Л. М. Из истории Солигаличского края: Сб. краеведческих работ. Кострома: ОГБУК «Костромской государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник», 2013. 256 с.

Фигуровский Н. А. Очерки средневековой истории г. Солигалича. Кострома: Авантитул, 2010. 268 с.

Губернский дом: историко-краеведческий культурно-просветительский научно-популярный журнал. Кострома, 1995, № 4. 80 с.

---

¹⁸ Кто после прочтения этого письма не поднес незаметно к уголку глаза носовой платок или хотя бы не кашлянул смущенно – тот самое настоящее бесчувственное бревно.

СОРОК СОРТОВ ЛОЖЕК

Семенов

Кабы не хохломская роспись да знаменитые на весь мир матрешки – быть бы Семенову обычным медвежьим углом, каких у нас такое множество, что, кажется, только из этих углов мы и состоим. Это теперь в Семенове на площади имени Бориса Корнилова¹⁹ стоит гостиница «Париж»²⁰ и в городской бане, которая находится на той же площади, все шайки расписаны под хохлому, а лет четыреста назад здесь, кроме села Семенова, затерянного среди дремучих, глухих и немых керженских лесов, не было ничего. В первый раз Семенов упомянут в письменных источниках по довольно необычному и даже несколько обидному поводу – в самой середине XVII века в каком-то платежном документе кто-то написал, что житель села Семеновского Никифор Щетинин, бывший на оброке вместе со всем селом у боярина Бориса Ивановича Морозова, не уплатил за сенной покос. Ну не уплатил. Наверное, высекли Никифора или конфисковали в счет уплаты долга корову или то и другое вместе. Зато не было повода у летописца написать, что брали село штурмом татаро-монголы, что присягали семеновцы Лжедмитриям, что жгли посад интервенты, уводя в плен аборигенов. Может, еще долго в тех местах было бы малоллюдно и тихо, если бы ровно через пять лет после первого упоминания села Семеновского патриарх Никон не начал свою церковную реформу. Стали в Заволжье от греха подальше стекаться те, которых от никонианской реформы, что называется, с души воротило в самом прямом смысле этого слова. Впрочем, не только староверы шли в заволжские леса – шли остатки разбитых разинских отрядов, беглые крестьяне, московские, смоленские, новгородские старообрядцы, соловецкие монахи-раскольники, монастырь которых после долгой осады взяли царские полки, иконописцы и просто лихие люди. В известном смысле Заволжье середины XVII века стало для русских тем, чем стала Америка для европейцев после открытия ее Колумбом.

---

¹⁹ На площади имени Бориса Корнилова, уроженца села Покровского Семеновского уезда, стоит первый в России памятник репрессированному поэту, написавшему в тридцать втором году «Песню о встречном» и расстрелянному на тридцать первом году жизни в тридцать восьмом году как «активный участник антисоветской троцкистской организации, ставившей своей задачей террористические методы борьбы против руководителей партии и правительства». Руководители партии и правительства приказали считать слова «Песни о встречном» народными, и они стали народными и были ими почти тридцать лет до самой посмертной реабилитации Корнилова «за отсутствием состава преступления». После реабилитации они так народными и остались до самого конца этого народа, который тоже, как оказалось, был активным участником антисоветской организации.

²⁰ «Париж» он потому, что план Парижа как две капли воды похож на план Семенова. Так, по крайней мере, считают все семеновцы и вместе с ними хозяин гостиницы. В холле семеновского «Парижа» стоит настольный макет Эйфелевой башни с прикрепленной к ее основанию табличкой, на которой написано «г. Семенов». Номера хорошие, уютные, вот только стены между ними так тонки и так звукопроницаемы, что слышно, как за стеной твоего номера кто-то громко думает, то ли выпить водки сейчас и потом пойти в гости к соседке, приехавшей вместе с ним в командировку на местный арматурный завод, то ли пригласить ее в лучший местный ресторан «Керженец» и там выпить вместе с ней, то ли пойти в гости... но выпить непременно. Кстати сказать, Семеновский арматурный завод переживает нынче не лучшие времена. Проще говоря, загибается арматурный завод. Остался литейный цех, но и он дышит на ладан. В позапрошлом веке этот завод, основанный местным механиком-самоучкой Гавриилом Семеновичем Рекшинским и его дядей, очень даже процветал. Основной продукцией были весовые гири – от самых больших до самых маленьких. Гири были такого качества, что владельцам завода было разрешено ставить на них собственное клеймо. Кроме гирь выпускали клещи, слесарные ножницы, колеса и даже печные заслонки с античными сюжетами. Две из них стоят за стеклом в местном краеведческом музее. На одной из них изображена та самая колесница того самого Аполлона, которая изображена на том самом Большом театре и на тех самых ста рублях, которые так оскорбили нравственность наших депутатов. Я присматривался – Аполлон на дверце вне подозрений, а вот кони... Впрочем, это все мелкие детали и к нашему рассказу не имеющие никакого касательства. Про Гавриила Семеновича Рекшинского все же не лишним будет добавить, что прожил он долгую жизнь и семь раз избирался семеновским городским головой. Тридцать один год управлял он Семеновом, замостил камнем городские мостовые, начал строить больницу и успел умереть перед самым семнадцатым годом. Очень немного было в тогдашней провинциальной России таких городских голов. Сына Гавриила Семеновича новые власти в восемнадцатом году с завода выгнали, но... тут же попросили вернуться, поскольку оказалось, что каждая кухарка не может управлять не только государством, но и чугунолитейным заводом. Еще пять лет он руководил заводом и готовил себе смену, а потом уехал в Нижний, подальше от своих учеников.

Беглые иконописцы

Насчет того, кто придумал расписывать деревянную посуду хохломской росписью... Если даже исключить ее инопланетное происхождение, то и тогда останется множество или даже два множества версий. Самые правдоподобные и самые скучные из них принадлежат, понятное дело, историкам, археологам и искусствоведам. Пишут они, к примеру, что ложкари пришли в Заволжье из соседнего Приволжья, буквально с другого берега из староверческого села Пурех²¹, близ Балахны, что техника хохломской «золотой» росписи была занесена на левый берег Волги беглыми иконописцами, что можно сравнить технику и приемы мастеров-иконописцев «строгановского письма», установить связь, найти истоки, что хохломской промысел и вовсе возник из нужд крестьянского быта... Нет, мы не будем устанавливать, анализировать и выводить из нужд, тем более бытовых. Лучше мы обратимся к легенде, по которой скрывался в дремучих керженских лесах беглый иконописец-раскольник, делавший деревянные чаши, братины и енды, удивительно похожие на золотые. Само собой, чаши эти поставлялись в Москву и пользовались там огромным успехом. Как только прознал царь, кто и где делает такую красоту, – тотчас же направил свои царские войска на поиски мастера. Каким образом проведал иконописец-раскольник про то, что идут за ним, – то не только нам, но даже и ученым-искусствоведам неведомо. Собрал он местных жителей, рассказал им в подробностях все свои производственные секреты, отдал краски, кисти и... исчез. Исчез, если верить одной из легенд, а если другой, то не исчез, а зашел в свой дом, затворился и сгорел заживо. Эта концовка, надо сказать, довольно правдоподобная. Не раз и не два раскольники затворялись в своих лесных скитах и сжигали себя заживо, чтобы не попасть в руки правительственных войск. До несгоревших скитов рано или поздно добирались войска, правительственные чиновники и раскатывали их по бревнышку, а насельников выгоняли на все четыре стороны. Кроме тех, конечно, которых сажали «за караул», как выражались во времена Петра Алексеевича, бывшего большим любителем поприжать староверов.

При Николае Первом за искоренение старообрядчества в Заволжье отвечал чиновник особых поручений Министерства внутренних дел Павел Иванович Мельников-Печерский, по совместительству известный писатель и большой знаток быта и обычаев староверов. Мельников все свое детство провел в Семенове и старообрядцев знал не понаслышке. Павел Иванович за свои заслуги в деле разорения скитов и обращения в единоверие получил от правительства орден Св. Анны (правда, в петлицу, а не на шею), а от староверов столько проклятий... «Мельниковым зорением» называли его деятельность староверы. Павел Иванович даже стал героем старообрядческого фольклора. Про него слагали песни и рассказывали, что сквозь стены он взором проникал и верхом на змии ехал, а все потому, что заключил союз с самим врагом рода человеческого. Дела эти прошлые – староверов теперь в Семенове раз-два и обчелся, а от Мельникова-Печерского остались нам два толстенных романа – «В лесах» и «На горах» – да улица его имени в Семенове. Не такая, конечно, широкая, как улица 50 лет Октября, в которую она впадает, но уютная и уставленная домиками с резными наличниками на окнах.

Вернемся, однако, к легендам, но прежде заметим, что село Хохлома, без упоминания которого не обходится ни один рассказ о хохломской росписи, к этой самой росписи имеет в некотором роде двояродное отношение. В Хохломе преимущественно происходил ожив-

---

²¹ Проезжал я как-то мимо Пуреха – нет нынче там никаких ложкарей и староверов нет. Зато в придорожном вагончике с надписью «Вяленая и копченая рыба» можно купить небольших копченых стерлядок недорого. Свежий пурехский ситный хлеб ничуть не уступает стерлядкам по вкусу. Если есть их вместе, пить крепкий горячий чай из большого походного термоса и при этом смотреть вдаль, на залив, который образует река Юг при впадении в Волгу, на семью цапель, медленно и чинно летящих сквозь туманную дымку из левого угла неба в правый, то можно получить если не море, то реку удовольствия. С заливом в придачу.

ленный торг так называемым «щепным» или «щепетильным» товаром, а расписывали все эти деревянные чашки и ложки в окрестных деревнях Семеновского уезда, которые назывались Большие и Малые Бездели, Мокушино, Шабаша, Глибино и Хрящи. Ну не Малые же Бездели с Хрящами и Шабашами брать в прилагательные и существительные такой красоты.

Так вот, по еще одной легенде, которой пользуются все семеновцы каждый день по многу раз, основал село Семеновское Семен-ложкарь. Он же первым стал бить баклуши – чурбачки-заготовки для изготовления ложек. В восьмидесятых годах XIX века в Семеновском уезде было зарегистрировано более трех тысяч дворов ложкарей с восемнадцатью тысячами работников, считая женщин и детей. Вся эта армия производила тридцать пять миллионов ложек в год. Это получается почти по две тысячи ложек на брата, на сестру, на бабу, на деду, на Жучку и на кошку с мышкой. И ложки эти надо было не только вырезать из дерева, но еще и загрунтовать и расписать. К концу XIX века Семеновский уезд производил уже восемьдесят миллионов ложек. Если бы этими ложками одновременно зачерпнуть, то, наверное, Волгу можно было бы вычерпать. Уж если не Волгу, то Оку точно.

Сорок сортов ложек выделявали семеновские кустари – «рабочие», «бурлацкие», «детские», «монастырские», «уполовник» и множество других. На обычных ложках рисовали птичек, ягодки, домики, листочки, на «монастырках» – башенки и колокольни, на бурлацких могли бы рисовать канаты и кораблики, но не рисовали, а вместо этого просто делали их раза в два больше обычных. Большой популярностью пользовалась так называемая «отеческая» или «воспитательная» ложка, которой отец семейства бил по лбу детей, начавших есть раньше родителей или ведущих за столом неподобающие разговоры. На таких ложках не рисовали ни ягод, ни листьев, а писали различные нравоучительные пословицы и поговорки воспитательного характера, как правило, неприличного содержания²².

Сумки с «бельем»

В историко-художественном музее и музее при фабрике «Хохломская роспись» собрано несколько сотен ложек красивых, ложек красивых во всех отношениях и ложек, от которых глаз не оторвать, а к ложкам тарелки, к тарелкам бокалы и рюмки, к рюмкам чашки, к чашкам чайники, к чайникам самовары, к самоварам расписные столы, а к столам расписные же стулья и стульчики. Между прочим, сервизы есть не только деревянные, но и фарфоровые, расписанные хохломской росписью. Однажды приехала в Семенов Людмила Зыкина, которая, если разобраться, тоже была в своем роде Хохлома, только песенная, посмотрела на сокровища, выставленные в музее, и посетовала, что нет в хохломской росписи ее любимых ландышей. Подумали семеновские мастера, попробовали, и... получилась у них «зеленая» хохлома, которую теперь так и называют «зыкинской». Художник, бывший у нас экскурсоводом на фабрике, рассказал, что сервиз в зыкинском стиле заказал у них не кто-нибудь, а сам Иосиф Кобзон, который, если разобраться, тоже в своем роде та еще... только политическая.

Говоря о сокровищах фабричного музея, нельзя обойти матрешек. Самая маленькая матрешка, изготовленная на семеновской фабрике, была величиной с рисовое зернышко, и это рисовое зернышко мастера расписали по всем правилам: с пышным букетом цветов на фартуке, с круглым румянцем на щеках и платочком в горошек. Самая большая была метрового роста, и в ней, как в Матренином ковчеге, хранилось семьдесят две матрешки. Семеновцы начали заниматься матрешками еще в конце двадцатых годов и в советское время делали матрешек

---

²² Жаль, конечно, что ложки теперь все одинаковые в том смысле, что нет ни бурлацких, ни монастырских. Представьте себе, к примеру, ложку гаишника, расписанную «кирпичами» и двойными сплошными линиями, или ложку олигарха всю в газопроводах и нефтяных вышках, или ложку сотрудника НИИ, изрисованную дырками от бубликов, или Царь-ложку президента, на дне которой в мельчайших подробностях выписан Кры... то есть Кремль.

даже к царскому столу. Лучший друг писателей и физкультурников любил дарить матрешек соратникам по строительству коммунизма в одной отдельно взятой и запуганной до смерти репрессиями стране. Как-то раз, к Первому съезду писателей СССР, Иосиф Виссарионович заказал набор матрешек-писателей для Алексея Максимовича. Понятное дело, что все они помещались внутри огромной и усатой горьковской матрешки. Рассказывают, что когда Горький открыл крупных матрешек Толстого, Фадеева, Эренбурга, Бабеля, а вслед за ними еще десяток мелких леоновых, парфеновых, безыменских и совсем мелких вишневых, то увидел, взяв в руки толстое увеличительное стекло, крошечную пятимиллиметровую матрешку чекиста Ягоды, – его чуть кондрашка нехватила.

Экскурсантам на фабрике показывают весь производственный цикл изготовления матрешек – от деревянных липовых чурок до готовых расписанных красавиц. Показывают и токарей-женщин, вытачивающих и ошкуривающих заготовки, показывают, как грунтуют и как расписывают. Тем, кто захочет, дадут в руки острую беличью кисточку и усадят раскрашивать матрешек. Понятное дело, что не тех, которые на продажу, а тех, которые специально для туристов. Особенно любят раскрашивать матрешек дети, когда их приводят на экскурсии. Впрочем, в детей превращаются и взрослые, как только им выдают матрешек, кисточки и разноцветную гуашь в баночках. Надо сказать, что заказов у фабрики много, особенно на матрешек, и она если и не процветает, то уж за свое будущее может не опасаться, чего не скажешь о тех, кто на ней работает. Средняя зарплата на фабрике – десять тысяч рублей. У токарей доходит до пятнадцати, но пока дойдешь до средней... Работа сдельная, и для того, чтобы заработать эти самые десять тысяч, к примеру, художнику, который расписывает матрешек, надо работать не только восьмичасовую смену, но и брать с собой на дом полные сумки «белья», как называют нераскрашенные заготовки, чтобы и дома до ночи их раскрашивать. Не возьмешь домой, отработаешь только восьмичасовой рабочий день – получишь три, в лучшем случае пять тысяч. Замужним хорошо – им помогают зарабатывать в Нижнем или Москве мужья, а незамужним, разведенным и вдовам плохо. Особенно тем, у кого есть дети. Им приходится корпеть над матрешками и ранним утром, и поздним вечером, и в выходные дни²³. Добро бы работа была нелюбимая и ради денег – плюнули и перешли бы на другую, а то и вовсе уехали на заработки в Нижний или в Москву. Так нет же – любимая работа. Случайных людей на фабрике нет – сюда не приходят в надежде хорошо заработать. Молодежь фабрику старается, увы, обходить. Все держится на тех немолодых уже женщинах, которые не уйдут с фабрики, даже если там начнут брать деньги за вход.

– Часто ли бывают на фабрике бунты из-за низкой оплаты труда? – спросил я у художниц, помогавших мне расписывать матрешку. Опустили глаза художницы, вздохнули тяжело и отвечали:

– Не бывают.

«Любовь зла, и хозяева фабрики этим пользуются», – подумал я про себя, а после того, как посетил фирменный магазин при фабрике и вышел оттуда, больно искусанный ценами на хохломские сувениры, еще более утвердился в своем мнении.

Конечно, Семенов – это не только матрешки и золотая хохломская роспись. Кроме матрешек и росписи это на удивление ухоженный, уютный городок с чистыми улицами, площадями²⁴, мусорными урнами, расписанными хохломскими узорами, и такими красивыми,

²³ Есть еще те, которые и расписывают на дому, и сами возят в Москву на продажу, но их немного. Художник умеет хорошо придумывать узоры и расписывать, а продавать, искать клиентов и вообще заниматься бизнесом умеет плохо.

²⁴ Есть в Семенове площадь Октябрьской Революции, на которой еще при советской власти поставили памятник трем коммунистам. Боролись эти коммунисты в девятнадцатом году за установление советской власти в Заволжье. Так боролись, что их убили до смерти те, кому советская власть была поперек горла. Между собой семеновцы называют памятник «Тремя мужиками», а площадь вокруг памятника «площадью Трех мужиков». Про площадь Трех мужиков вычитал я в интернете, и черт меня дернул блеснуть своей эрудицией как раз в тот самый момент, когда наш экскурсовод рассказывал проникновенным голосом об истории подвига трех коммунистов... и тут вдруг оказалось, что один из этих коммунистов приходится ей

непохожими одна на другую, цветочными клумбами, какие и в столице редко встретишь. По количеству резных оконных наличников на душу населения Семенов далеко опережает не только Москву, Париж или Токио, но даже и Городец с Кимрами и Палехом. Наверное, все это потому, что по количеству людей с художественным вкусом на душу населения Семенов далеко опережает... да кого угодно и опережает.

Июль 2014

Библиография

Шамиурин В. А., Алексеев В. А. Под сенью керженских лесов. Нижний Новгород, 2009. 118 с.

ТРИСТА ПАР КОКЛЮШЕК

Балахна

Туристы Балахну своим посещением не балуют. Нижний балуют, Городец балуют, даже Чкаловск балуют, а Балахну проезжают мимо. Ну и зря. Все равно мимо нее не проезжаешь, а проползаешь в многокилометровой и многочасовой пробке по дороге из Нижнего в Городец. За это время можно было бы не только познакомиться, но даже и напроситься на чай поужинать и переночевать. Конечно, в Балахне нет красивых медовых пряников, как в Городце, или Кремля, как в Нижнем, и даже само название города напоминает о каком-то балахоне – мешковатом и распахнутом на волжском ветру. Даже и поговорка такая есть у аборигенов – «стоит Балахна полы распахня». Кстати говоря, жителей Балахны, которых теперь называют «балахнинцами», в наши Средние века так и называли – «балахонцы». Ходили, мол, они в специальных балахонах, чтобы защитить себя от разъедающего действия солевых растворов, поскольку в те далекие времена Балахна была одним из центров соледобычи на Руси. Часть краеведов даже выводит из этого балахона происхождение названия города, а другая часть эту версию считает несостоятельной и утверждает, что балахонцами жители Балахны стали из-за новгородцев, сосланных Иваном Грозным на Волгу. Новгородцев называли «волохонцами» потому, что были они с берегов Волхова. Ну а от волохонцев до балахонцев, считай, рукой подать. Третья часть краеведов считает, что две первые части краеведов... а четвертая часть и вовсе считает, что название города произошло от персидского «Бала ханэ», что означает «Верхний город». И правда, Балахна находится в верхнем течении Волги. Есть еще и пятая часть, и шестая с восьмой, но о них даже упоминать не станем – иначе к самому городу мы так и не продеремся сквозь заросли этих версий.

Соль на Городце

Самое удивительное, что поначалу город и вовсе назывался Соль на Городце и городом никаким не являлся, поскольку не было у него ни крепости, ни пушек на башнях, ни рва, утыканного острыми кольями и наполненного водой, ни приказной и губной избы, ни толстого воеводы с золотой серьгой в ухе, который по утрам устраивал бы смотр стрельцам и распекал их за ржавчину на бердышах и отсыревший порох в пороховницах. Вместо крепости были соляные варницы, вместо башен рассолоподъемные трубы, а вместо одного воеводы были целых три совершенно штатских человека – купец Иван Ястребов и два брата Ляпиных – Федор и Нефедей. Именно они основали поселение на месте современной Балахны. Легенда говорит о том, что вся эта троица была в плену у татар в Сибирском ханстве и у них научилась добывать соль. Одна часть краеведов утверждает, что Ястребов и братья Ляпины основали Соль на Городце в самом конце XIV века, и даже называют год, от которого и предлагают вести историю Балахны, другая часть считает, что можно считать годом основания города упоминание Соли на Городце в духовной серпуховского князя Владимира Андреевича в первом или втором году XV века, третья указывает на то, что впервые Балахна упоминается под своим именем в грамоте Ивана Третьего от пятисот второго года, которая до нас не дошла, но упоминается в более поздней грамоте Ивана Четвертого, а четвертая в лице известного писателя и краеведа Мельникова-Печерского непоколебимо стоит на том, что еще в XI веке на месте современной Балахны находился город волжских болгар и в нем каждый год были ярмарки... Мы и тут аккуратно обойдем стороной спорящих на эту тему краеведов и пойдем дальше – в те времена, когда Балахна стала одним из центров солеварения Московского государства.

Это была эпоха первого золотого века Балахны. Это были десятки пробуренных на глубину до сотни метров соляных колодцев и десятки изготовленных из огромных дубовых стволов рассолоподъемных труб²⁵, из которых сотнями и тысячами бадей поднимали на поверхность десятки тысяч литров рассола, выпаривали, затаривали десятки тысяч пудов соли в мешки и отправляли по Волге на стругах или подводах в города и веси нашей, уже тогда необъятной, страны. Первый золотой век продлился в Балахне почти два столетия – с XVI по XVII век включительно, пока другие, более богатые, месторождения соли не превратили его поначалу в серебряный, потом в бронзовый, а под конец и вовсе в железный. Еще и проржавевший насквозь. Надо сказать, что солеварение в Балахне не прекратилось в одночасье – оно медленно и мучительно умирало на протяжении всего XVIII и даже XIX веков. В шестидесятых годах XIX века из бывших когда-то восьмидесяти варниц осталось всего шесть, из которых пять взял у казны в аренду декабрист И. А. Анненков. Увы, вернуть их к полноценной жизни не получилось. И механизация не помогла. Еще в Гражданскую войну из нескольких труб качали солевой раствор и выпаривали из него соль. Впрочем, в Гражданскую никто и не заикался о рентабельности производства – хватило бы щипосоли. В шестидесятых годах прошлого века на берегу Волги еще оставалось около двух десятков заброшенных труб. Из одной из таких труб солевой раствор выбивало и в начале нашего века. Воля ваша, а я бы этот раствор разливал по красивым пузырькам и продавал туристам с инструкцией по солеварению в домашних условиях. Еще бы и приписал, что балахнинская соль, которую издревле поставляли к царскому столу и которую более всех других солей любил Иван Грозный, обладает несомненными целебными свойствами. В умеренных, конечно, дозах.

Теперь от многочисленных балахнинских рассолоподъемных труб остались лишь деревянные фрагменты, из одной части которых смонтирована посвященная солеварению экспозиция в местном краеведческом музее, а другая хранится в запасниках музея.

Как бы там ни было, а соль дала возможность стать Балахне на ноги и крепко на них стоять. Соль превратила Балахну из обычного поселка при солевых колодцах в город. Тот самый город, который с крепостью, с двадцатью пушками на восьми крепостных башнях, с ровом, утыканным острыми кольями и заполненным водой, с подвалом, где хранилось десять тысяч каменных и железных ядер, и с толстым воеводой с золотой серьгой в ухе, каждое утро устраивающим смотр стрельцам в крепости, которая была построена на Балахонском Усолье в 1537 году по указу матери Ивана Грозного Елены Глинской для защиты посадских людей и нажитого непосильным трудом добра от набегов казанских татар, лихих людей и их вместе взятых. Кое-кто из историков утверждает, что построили крепость лишь после того, как за год до постройки казанцы во главе с ханом Сафа-Гиреем сожгли и разграбили Балахну дочиста, как об этом записано в Никоновской летописи, но это, конечно, не так. Постройка крепости стояла в плане московских властей еще до татарского набега – просто басурман черти принесли вне всякого плана.

Между прочим, пушек в балахнинской крепости в конце третьей четверти XVI века было ровно столько же, сколько в Нижегородском кремле. И вообще в те времена Балахна была всего в два раза меньше Нижнего по числу дворов и входила в первую дюжину городов Московского княжества. Что-то пошло не так, и теперь Балахна в двадцать пять раз меньше Нижнего и даже в четвертой сотне наших современных российских городов, увы, не первая...

---

²⁵ Строго говоря, средневековая технология добычи соли в разных местах была примерно одинаковой. Уж если и отличалась она, то названиями рассолоподъемных труб, которые давались сообразно местной топонимике, фамилиям владельцев и чувству юмора балахонцев. Попадья Большая, Киселиха Меньшая, Золотуха, Толстуха Большая и Толстуха Малая, Близины, Каменка в узкой улочке и Каменка Малая, Кошелиха а Кухтина тож... Поди теперь разбери, отчего трубу называли Золотухой – чесалась она у них или шелушилась...

Но вернемся в те времена, когда Балахна росла и богатела²⁶, богатела, богатела... пока не пришла Смута. О роли и месте Балахны в Смуте рассказывать довольно сложно. С одной стороны, Балахна – это родной город не кого-нибудь, а самого Козьмы Минина. В нынешней Балахне на каждом придорожном электрическом столбе висит табличка, на которой написано, что Балахна – родина этого, без сомнения, выдающегося человека. И памятник Минину установлен на одной из площадей города²⁷. Как раз перед музеем его имени. С другой... Балахна и уезд исправно присягали сначала Гришке Отрепьеву, а потом и Тушинскому вору. Мало того, балахнинский воевода Степан Голенищев вместе с тушинцами дерзнул пойти на штурм Нижнего Новгорода. Вышел боком воеводе, а вместе с ним и Балахне, этот штурм. Нижегородцы «воров побили же, и балахнинского воеводу Степана Голенищева и лутчих балахонцев посадских людей привели в Нижний». Привели, чтобы казнить, и немедленно казнили, а Балахну привели к присяге царю Василию Шуйскому. Только стали балахонцы восстанавливать свои соляные промыслы, как в 1610 году напали казаки и все дотла сожгли и разграбили. Через два года двинулось ополчение Минина и Пожарского на Москву через Кострому и Ярославль, а прежде всего через Балахну. Стояло ополчение в Балахне долго. Собирали деньги на войну с поляками. Кто утверждает, сообразуясь с историческими документами, что балахонцы сдавали деньги Минину, бывшему казначею ополчения, добровольно и с охотой, а кто говорит, сообразуясь с этими же документами, что и совсем наоборот. Минин обложил всех недетским налогом – потребовал две трети имущества сдать в кассу ополчения. Сам-то он поступил именно таким образом. Что же до балахонцев, то они, по-видимому, не все были готовы принести такие жертвы на алтарь отечества. Тем, кто был не готов и принес не две трети, а половину или даже одну треть, а то и вовсе объявил себя неимущим, Минин предложил отрубать руки. Времена тогда были такие, и сам Козьма Минин был таков, что в серьезности и неотвратимости его предложения никто и не подумал усомниться. Понесли неимущие не только две трети, но три четверти.

Второй золотой век и половина третьего

После Смуты Балахна с помощью своих соляных промыслов восстановилась быстро, но в XVIII век она пришла уже не молодой и полной сил, а одряхлевшей и постоянно оглядывающейся назад, в свое славное светлое прошлое. Не так ли и мы теперь?.. (Подобные мысли, однако, лучше от себя гнать. Тем более что к истории Балахны они не имеют никакого отношения.) На самом деле не все было так плохо, как хотелось бы, – в недрах первого золотого века исподволь вызревал второй. Даже два вторых. Вокруг Балахны были довольно большие месторождения отличной глины, которая, как известно, при достаточном умении и сноровке превращается в кирпичи, плитку и печные изразцы. В кирпичном и особенно изразцовом деле балахонцы достигли большого искусства. Настолько большого, что балахнинские кирпичи поставлялись к царскому столу в том смысле, что балахнинских кирпичников приглашали на строительство собора Василия Блаженного, они принимали участие в строительстве Московского Кремля и Санкт-Петербурга, а печи с красочными балахнинскими изразцами стояли в лучших домах Нижнего Новгорода и Гороховца, Ярославля и Костромы. В самой Балахне

---

²⁶ Так богатела, что даже Иван Грозный включил ее в состав своих опричных земель. Грозный, кстати, был в Балахне проездом после взятия Казани. На радостях отдал вынесенную ему балахонцами хлеб-соль, которая в тамошнем исполнении была более похожа на соль-хлеб, сказал, что вкуснее этой соли ничего не едал и ускакал в Москву, а в Балахне приказал построить Никольскую церковь, которая стоит и до сей поры на проспекте Революции.

²⁷ На самом деле бетонный покрашенный «под бронзу» памятник в 1943 году установили в Нижнем. Почти сорок лет он там простоял. Почему он перестал нравиться местному начальству – теперь не установить, а только сослали они его в Балахну, на родину героя. Себе же нижегородцы сделали другой, побогаче, из настоящей бронзы. Не то чтобы они помнили ту атаку «лутчих балахонцев посадских людей» и тушинцев на Нижний, а все же...

такие изразцы сохранились на Спасской церкви, построенной во второй половине XVII века местными солепромышленниками в память о родственниках, погибших во время морового поветрия. Только надо помнить при ее осмотре, что те яркие, без единой трещинки, изразцы с узорами, райскими птицами и невиданными цветами, которые вы видите на стенах нижнего яруса шатровой колокольни, – это изготовленные недавно, хоть и с большим искусством, но копии. А вот те облупленные, в сетке мелких трещин, потемневшие от времени изразцы на втором ярусе колокольни – настоящие.

Кроме кирпичников славилась Балахна своими иконописцами. Такими, что состояли при Оружейной палате, хоть и проживали в Балахне. Эти иконописцы принимали участие в росписи кремлевских Успенского и Архангельского соборов. Впрочем, это уж и не второй золотой век, а половина третьего. Вторая половина третьего – знаменитые колокола и колокольчики, звеневшие не хуже валдайских. Их лили в Балахне на заводе Чарышниковых. От самых маленьких, поддужных, до тысячепудовых колоколов для храмов Ярославля, Муррома, Красноярска и Санкт-Петербурга. Огромные балахнинские колокола всегда имели голоса звучные и приятные для слуха. Мало кто теперь помнит, что отличались они, к примеру, от колоколов, которые лили в Москве, одной интересной деталью. Московские колокольные мастера всегда перед отливкой больших колоколов распускали по городу самые невероятные слухи и небылицы, а балахнинские – никогда. Даже тогда, когда отливали тысячепудовый колокол специально для Всероссийской промышленно-художественной выставки, которая проходила в 1896 году в Нижнем Новгороде. Уж как ни выспрашивали у них москвичи, как ни подсылали к ним нижегородцев, чтобы узнать, какую байку сочинили балахнинцы, чтобы их колокол так чисто звучал, – так ничего и не сказали им честные балахнинцы²⁸.

Более всего, после пришедшего в упадок солеварения помогло Балахне судостроение. Началось оно еще в первой половине XVII века, когда в Россию приезжало посольство от Шлезвиг-Голштинского герцога Фридриха. Секретарем этого посольства был не кто иной, как Адам Олеарий. Голштинцам очень хотелось прокатиться по Волге от верховьев до самой Персии. Был у них в этой Персии торговый интерес. И у нас он был тоже. Предполагалось построить для путешествия по Волге и Каспию, а также для торговли шелком с Персией десять кораблей. Строить решили в Балахне. И условие с нашей стороны было только одно – иностранцы своего умения перед нашими плотниками не утаивают. Они и не утаили. В 1636 году был спущен на воду трехмачтовый и двадцатичетырехвесельный «Фридерик» под голштинским флагом. Он доплыл до самого Дагестана, где его настигла страшная буря и разбила о прибрежные камни. Остальные девять кораблей строить не стали. Плотникам для обучения хватило и одного.

И стали строить балахонцы военные суда. Большая часть парусников для Азовского похода была построена в самом конце XVIII века в Балахне. Правда, Петр не был бы Петром, если бы не прислал на балахнинские верфи для наблюдения за качеством иностранных специалистов. После азовского заказа стали строить и морские шхуны для Каспия, речные суда, военные корабли для Балтийского флота. Построили и галеру, на которой Екатерина Великая путешествовала по Волге. Из гражданских судов более всего строили огромные, нередко стометровые в длину, баржи-беляны грузоподъемностью до десяти тысяч тонн. При этом умудрялись строить их без всяких стапелей. Иной раз заказов было столько, что строили по сотне барж в год. Достроились до того, что даже в герб Балахны попали детали корабельных конструкций – кокоры²⁹. В середине XIX века стали делать пароходы и продолжали бы их делать до

---

²⁸ Не умели они врать, а потому каждый раз, как возникала нужда в отливке колокола, выписывали они себе из Москвы человека, который и сочинял им такое... Даже денег не брал. Работал, можно сказать, из одной любви к искусству и вину. Бывало, придумает он такую историю, от которой все только рты в изумлении разевают, а к ней приплетет еще самых невероятных деталей. И это при том, что колокол-то собирались лить всего один. Так рачительные хозяева завода, чтобы эти умопомрачительные детали не пропали зря, – отольют за компанию еще десяток мелких колокольчиков.

²⁹ Кокоры – это стволы деревьев вместе с корнями, но не со всеми корнями подряд, а только с теми, которые перпен-

сих пор, кабы не хитроумный грек Бенардаки, построивший возле Нижнего, в Сормове, свой судостроительный завод. Балахнинские судостроительные магнаты не смогли с ним выдержать конкуренции, и понемногу третий золотой век Балахны стал клониться к своему закату. В конце XIX века Балахна, хоть и бывшая уездным городом, превратилась в заброшенный нищий заштатный городок, в котором немного торговали кирпичами, немного плели кружева, немного делали деревянную домашнюю утварь и... все.

Триста пар коклюшек

XX век нельзя назвать золотым веком Балахны. Скорее это были электрический, бумажный и картонный века вместе. Все потому, что построили в Балахне электростанцию и огромные целлюлозно-бумажный и картонный комбинаты. Понятное дело, что к царскому столу ни балахнинское электричество, ни балахнинская бумага, ни картон не доходят. Ну да это ничего. Зато на работу не надо уезжать в Москву или Нижний. Хотя... бегают по Москве – и не только по ней – микроавтобусы «Мерседес» и «Фольксваген», которые собирают в Балахне. С одной стороны, немецкие микроавтобусы – это не свои корабли, печные изразцы и кружево, а с другой... Первый корабль на балахнинской верфи тоже назывался «Фридерик» и ходил под голштинским флагом.

Почему в Балахну не едут туристы... Наверное, потому, что нет в Балахне пристани для туристических теплоходов. В Городце пристань есть, в Нижнем, понятное дело, есть, а в Балахне нет, хотя музеев целых три. Да и музеи какие... Один краеведческий, расположенный в усадьбе купца первой гильдии судостроителя Плотникова и недавно прекрасно отремонтированный, стоит того, чтобы в нем провести не час и не два.

В музее есть зал с балахнинскими кружевами, которые уже триста лет плетут местные мастерицы из белых, кремовых и черных шелковых нитей при помощи кленовых коклюшек. Все эти невесомые кружевные мантильи и шарфики, искусно сплетенные единственно для того, чтобы их владелица, сидя теплым летним вечером в саду у остывшего самовара и слушая пение соловьев, могла бы сказать, зябко поводя круглыми полными плечами: «Как, однако, посвежело. Принесите мне, Николая, мою черную кружевную мантилью из гостиной».

И принести, и укутать ее этой мантильей, и видеть, как она прямо на твоих влюбленных глазах из Настеньки превращается в Инезилью, как Балахна становится Севильей, и потом бесчисленное количество раз поправить этот переплетенный черным шелком воздух у нее на плечах, а на вопрос, кто это там так отвратительно горланит на берегу, отвечать, шепча в золотой завиток, прикрывающий веснушчатое и розовое от смущения ухо: «Это, Настенька, мужичье-с на верфи расчет за баржу получило. Вот и горланят, надравшись. Животные-с. Никакого понятия о культурном отдыхе».

Кстати, о коклюшках. Балахнинское кружевоплетение – одно из самых сложных и трудоемких. В нем используется до трехсот и более пар коклюшек одновременно. Не ко всякому, надо сказать, царскому столу такое кружево и поставляют.

Есть у краеведческого музея филиал, расположенный в усадьбе известного балахнинского купца первой гильдии, городского головы, владельца баржестроительной верфи и гласного городской думы Александра Александровича Худякова. Жил он в этой огромной усадьбе на набережной Волги втроем с женой и сыном. Сын отчего-то умер в пятилетнем возрасте, и Александр Александрович вместе с женой уехал в Нижний, а усадьбу подарил Нижегородской епархии. Жили там довольно долгое время престарелые священнослужители. При совет-

---

дикулярны стволам. Остальные растущие под разными бесполезными углами корни обрубили. Проще говоря, кокоры – это шпангоуты, если вы, конечно, понимаете, о чем речь. Признаться, я и сам не очень разбираюсь в шпангоутах и часто путаю их с бимсами... Короче говоря, пусть в кокорях балахнинцы разбираются. Я даже не уверен, что все они, если разбудить их ночью и спросить, что такое кокоры, без запинки ответят на этот вопрос.

ской власти находился там детский дом, потом сидели чекисты и других сажали, с тридцатых годов устроили детский садик, а теперь филиал музея. Музейных экспонатов в этом доме мало – печи со знаменитыми балахнинскими изразцами, несколько старых самоваров, красивый кожаный диван конца позапрошлого века, выдавший виды письменный стол, патефон, настенные часы с боем, комната с чучелами животных и птиц, населяющих эти края, несколько старых фотографий на стенах, уголок бывшего детского сада с пластмассовыми пупсами – вот, пожалуй, и все. Кроме этих экспонатов есть там такая тишина и такой покой... Достаточно сесть у окна, у колеблемой летним ветерком шторы, на стул и безотрывно час или два смотреть, как в сотне метров от тебя и твоего стула медленно плывет по Волге огромная черная баржа с нефтью или лесом, как кипит, разрезаемая форштевнем, вода, как пыхтит толкающий баржу буксир, как что-то кричит матрос другому матросу, как другой матрос показывает первому... Ей-богу, я бы не отказался и приплатить за час сидения одному у окна худяковского дома. Да, наверное, не только я. За небольшие, но отдельные деньги для более состоятельных туристов можно поставить рядом графин с водкой и патефон. Завести на нем «Дубинушку» или «Очи черные» в шалыпинском исполнении. Пусть слушают, тяжело вздыхают и даже смахивают украдкой слезу. И уж для тех, кто не ограничен в средствах, на словах «вы сгубили меня, очи черные» пусть входит в комнату человек, наклоняется к уху туриста и тихонько спрашивает: «Прикажете цыган?» И в сей момент, под окнами, на улице Карла Маркса грянул бы хор «К нам приехал, к нам приехал...». И под эти величальные слова и переливчатый звон цыганских монист выйти на пристань, у которой стоит белый катер с прекрасной царь-девицей, крикнуть старшему группы: «Не поминайте лихом!» – и уплыть в Нижний гулять до утра, а потом, через неделю или две, продав японские часы, подаренные женой ко дню рождения, или новый фотоаппарат, купленный перед отпуском, добраться на электричках и попутках к себе домой в какие-нибудь Сухиничи или Череповец, позвонить в дверь, почти увернуться от утюга, пущенного точно в голову, и потом, часа через два или три, тихонько сидеть в полутемной кухне, гладить по вихрастой голове сына, второклассника и второгодника, и шептать ему: «Не женись, Витька. Никогда не женись!» – осторожно трогая указательным пальцем багровый фингал под левым глазом.

Июль 2014

Библиография

Нижегородские исследования по краеведению и археологии. Сборник научных и методических статей. Нижний Новгород: Амиго Принт, 2013. Вып. 13. 282 с.

Балахнинский уезд в XVIII веке. Документы приказного делопроизводства: Сборник документов. Нижний Новгород, 2005. 104 с.

Народные ополчения и российские города в Смутное время начала XVII века. Материалы Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 2012. 234 с.

Карташова М. В. Известные балахнинцы. Биографический справочник. Балахна. НЧИ «Веги», 2012. 60 с.

ВТОРОЙ СОН ЛЮБОВИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

Пестяки

Проезжающему мимо Пестяков без остановки можно успеть описать их в одном предложении: поселок городского типа, медвежий угол в Ивановской области, причем медвежий угол с настоящими медведями, из-за которых в последние годы стало опасно собирать грибы и ягоды; грибы очень хороши, и местные жители умеют их сушить так, что они сохраняют свою форму; упоминается в летописях со второй половины XIV века как место ссылки литовцев, которых взял в плен Дмитрий Донской в одном из своих походов; в селе Нижний Ландех Пестяковского района родились и умерли крепостные крестьяне Василий, Герасим и Макар Дубинины, первыми в мире придумавшие, как перегонять нефть в промышленных количествах и получать из нее керосин, мазут и многое другое. Вот, собственно, и все. Можно, конечно, добавить, что работают сапоговалыльная фабрика и леспромхоз, но молокозавод закрыт, крахмалопаточный завод закрыт, льнозавод дышит на ладан, швейная, строчевышивальная и мебельная фабрики закрыты, хлебозавод и хлебопекарня закрыты и хлеб возят из Иванова и Чкаловска, газа нет, но... это будет уже второе предложение.

Братья Дубинины

Я мимо не проезжал – я ехал в краеведческий музей Пестяков, к его директору Любови Александровне Лакеевой. Меня интересовали братья Дубинины, уроженцы села Нижний Ландех Пестяковского района. Не может такого быть, думал я, чтобы крепостные крестьяне раньше всех в мире додумались до того, как устроить промышленную нефтеперегонную установку³⁰. Без лабораторий, без колб, перегонных кубов, пробирок, весов, без белых халатов, наконец. В первой четверти XIX века были уже в России лаборатории, приват-доценты, профессора, реактивы в банках с этикетками, на которых был нарисован череп с костями, а тут какие-то чумазы смолокуры построили в Моздоке по собственным чертежам завод и стали получать из нефти чистый керосин, который они называли белой нефтью.

В пестяковском музее увидел я макет нефтеперегонной установки братьев Дубининых, изготовленный частью руками музейных сотрудников, частью в Доме народных ремесел соседней с Пестяками деревни Новинки по заказу музея. Нефтеперегонный куб был аккуратно оклеен обоями «под кирпич». Из печи под кубом торчали мелко наколотые дрова, которые, как рассказала Любовь Александровна, всегда хотят поджечь маленькие дети, приходящие в музей. Впрочем, и дети постарше тоже хотят.

Дубинины оказались на Кавказе в районе Моздока лишь потому, что графиня Софья Панина, крепостными которой они были, пожелала заселить пожалованные ей земли на Северном Кавказе своими крестьянами, отпустив их на оброк. С одной стороны, от смолокурения до нефтеперегонки рукой подать, а с другой... и даже с третьей и четвертой сторон – от кустарного смолокурения до промышленной нефтеперегонки, от закопанных в землю труб из осины, по которым течет смола и деготь, до охлаждаемых проточной водой медных, по которым

---

³⁰ Если быть до конца честным, то на сто лет раньше Дубининых, в 1745 году, занимался нефтеперегонкой архангелогородский купец Федор Саввич Прядунов, но он получил из ухтинской нефти лишь некий «керосинообразный продукт». Да и перегонял он нефть в небольших количествах, как мы бы сегодня сказали, в лабораторных масштабах на установке Бергколлегии в Москве и планировал получающиеся продукты использовать в аптекарском деле. Прядунова скорее можно назвать первым в мире добытчиком нефти в промышленных масштабах. Конечно, мне возразят земляки Прядунова архангелогородцы, будут спорить до хрипоты ухтинцы, доказывая, что Прядунов был первым... Я бы на их месте делал то же самое. Кабы не был москвичом.

течет керосин, от земляной ямы, выложенной древесной корой, до железного куба на сорок ведер – дистанция огромного размера.

Начиная с 1823 года четверть века действовал в Моздоке завод Дубининых. Полученный керосин был лучшего качества, чем тогдашний американский или английский. Из Моздока везли его на подводах до Астрахани, от Астрахани до Нижнего – по Волге, а от Нижнего снова на подводах – до Москвы и Петербурга. Такие транспортные расходы могли разорить кого угодно. Дубинины попросили ссуду в семь тысяч рублей серебром у кавказского наместника графа Воронцова. В ссуде было отказано, но совсем без серебра братьев не оставили – старший Василий, самый главный среди братьев изобретатель и заводила нефтеперегонного дела, по представлению Воронцова был удостоен серебряной медали «За полезное» на Владимирской ленте, но дело тем не менее пришлось свернуть. Дубинины вернулись домой, в село Нижний Ландех, и прожили там до самой смерти. Могил их не сохранилось.

Любовь Александровна писала о Дубининых в местную газету «Новый путь» и даже, кажется, в областную ивановскую газету, надеясь на то, что какой-нибудь нефтяной магнат обратит внимание на ее заметку и даст денег на памятник Дубининым. Пусть небольшой, пусть скромный, пусть даже и скромнее того, что поставили им в Моздоке, но... видимо, нефтяные магнаты не читают ни пестяковских, ни ивановских газет.

Раз уж зашла речь о Нижнем Ландехе, то нельзя не упомянуть о знаменитых сушеных белых грибах, которые местные жители не сушат как все мы, разрезая на куски, нанизывая на нитку и вешая над газовой плитой, а нанизывают целиком на тонкие лучинки, лучинки вставляют в горшок, который задвигают в теплую печь. При таком способе сушеные грибы получаются как живые. Раньше нижнеландеховские сушеные белые грибы поставляли к царскому столу. За сезон один человек мог набрать грибов до двух или даже трех сотен пудов. Грибов и сейчас здесь пропасть, но к царскому столу их не берут. Потому и сушат как все, нарезая на куски.

Второй сон Любови Александровны

После рассказа о братьях Дубининых, о способе сушки белых грибов, после беглого осмотра прялок, деревянных корыт, старых самоваров и утюгов, которыми заставлены все полки в наших маленьких провинциальных музеях, можно было уезжать. На прощание я спросил у Любови Александровны о том, как она попала в музей, памятуя о том, что в глухой нашей провинции специально образованные музейные сотрудники встречаются так же часто, как изобретатели нефтеперегонки.

Оказалось, что привел и даже притащил за руку Любовь Александровну в музей... сон. Все это похоже на явления верующим чудотвор... Нет, так не объяснишь. Лучше все рассказать как было, с самого начала. По образованию Любовь Александровна, конечно же, никакой не музейщик, а учитель начальных классов. Работала в школе и детском саду. Потом, когда из-за нехватки детей стали сокращать учителей в школах и воспитателей в детских садах³¹, пошла она работать в Госстрах и работала там вполне успешно лет десять, до того момента, как приснился ей сон, или, выражаясь языком, более подходящим к этому случаю, «было ей сновидение», и в этом сновидении водила она детишек по богато убранному музейному залу, что-то рассказывала им, а попутно отгоняла сорванцов указкой от экспонатов, которые они, сорванцы, норовили потрогать руками. «Ну приснилось и приснилось», – подумала наутро Любовь Александровна и пошла на работу в свой Госстрах. Через самое малое время, быть может, через день или два, сон повторился. Любовь Александровна даже смогла углядеть, что

---

³¹ В этом году в Пестяхах выпускников в единственной школе было девять человек. На четыре с половиной тысячи жителей.

портьеры в этом музейном зале очень богатые. Проснулась она и вдруг ясно поняла, что заболеет и даже умрет, если срочно не поменяет свой Госстрах на музей. Поменяет, как же. Это и в большом городе не так просто сделать, а в Пестяхках, где и музея-то никакого не было... Короче говоря, побежала она к своей однокласснице, которая заведовала в поселке отделом культуры, бухнулась ей, как говорится, в ноги и стала просить пристроить ее если не к музею, то хотя бы к той культуре, которая имеется в Пестяхках. Одноклассница вошла в ее положение и устроила в поселковую библиотеку на должность библиографа и краеведа. Библиографии ее учили, а краеведению она училась сама и с удовольствием, поскольку с детства любила историю. Даже написала в газету заметку об истории Пестяковского сапоговаляльного завода.

Через какое-то время пригласила ее одноклассница в отдел культуры и предложила возглавить музей. Дело в том, что... умом Россию не понять – музей в Пестяхках по документам давно был, но... его не было. Была какая-то, проведенная в прошлом, крошечная выставка строчевышитых изделий местных мастериц, которую для отчета называли музеем и упрятали в подвальную комнатку под библиотекой. Любовь Александровна и подумать не могла, что это музей. И вот из этого десятка вышитых салфеток ей предлагали сделать настоящий музей. Сон оказался в руку. Даже в две руки, которые сами собой опускались при мысли о том, что нужно сделать в первую, во вторую и в тридцать третью очереди для создания музея. Две недели она ходила сама не своя и все думала, думала, думала и согласилась, конечно.

Первым экспонатом в новом музее было древнее деревянное корыто из заброшенного дома прабабушки Любови Александровны в соседней с Пестяхками деревне Керегино. Жители деревни как узнали, что Любовь Александровна стала директором музея, – так и понесли к ней старую утварь – прялки, горшки, фотографии, лапти, посуду, лошадиные хомуты... По правде говоря, лошадиный хомут всего один. В деревне Курмыш умерла последняя лошадь, и от нее остался хомут, который принесли в музей³². Заброшенных деревень в округе много. Бывало, садятся Любовь Александровна и ее немногочисленные сотрудники на велосипеды и едут по заброшенным деревням собирать то, что осталось от прошлой и позапрошлой жизней. Как-то раз в одном из заброшенных домов нашли даже старинную квашню с остатками окаменевшего теста. Деревенский батюшка из села Беклемищи подарил музею бог весть как у него оказавшуюся большую чешскую супницу советских времен. Хороша супница – вся в цветочек, но лежит в запасниках – выставить ее пока негде. Не хватает места. Запасники – это так называется на музейном языке, а на самом деле это комната, где сидят все трое сотрудников музея, заваленные чуть ли не до потолка старыми и очень старыми вещами, фотографиями и документами. Вот, к примеру, стоит поближе к двери гончарный круг. Владела им одна старушка, у которой брат был гончаром. Одним из последних, если не самым последним в Пестяхках. Уж как только не просила Любовь Александровна старушку отдать круг в музей – не отдавала. Берегла память о брате, а как стала помирать – так и велела дочери после ее смерти отнести круг в музей³³. Мечтает директор музея устроить детям уголок по работе с глиной, но в двух музейных комнатках и без того не повернуться. Или вот в Нижнем Ландехе умер учитель физкультуры в сельской школе, всю жизнь собиравший экспонаты для своего крошечного школьного музея. Оттуда позвонили и попросили все забрать. Не нужны им ни экспонаты, ни музей.

---

³² Кстати, о вымирающих домашних животных. На все Пестяхки теперь то ли две, то ли три коровы, а раньше было три стада и в каждом стаде до сотни коров. Еще раньше, перед самой революцией, в пестяхковской округе было около шести тысяч лошадей и десяти тысяч коров. Впрочем, коров при желании еще развести можно, а вот такой умерший промысел, как вязание шерстяных чулок и варежек, – это вряд ли. До революции в Пестяхках и окрестных деревнях не вязали только коровы и кошки с собаками. Вязали даже слепые на ощупь. Местные однопалые варежки, или «вареги», как их здесь называли, продавались не только в губерниях Центральной России, но даже и во Владивостоке, Порт-Артуре и Финляндии. Во время Русско-турецкой войны в 1877 году у наших солдат, бравших Шипку, были на руках теплые пестяхковские варежки.

³³ Большая часть экспонатов подарена музею местными жителями. Куплены только два самовара за пятьсот рублей, но не потому, что больше купить нечего, а потому, что не на что. Денег музею не дают, кроме как на зарплату сотрудникам.

Дети чаще всех приходят в музей. Начинают их водить еще с четырехлетнего возраста воспитатели детских садов, а заканчивают уже учителя школы. В провинциальном музее набор развлечений невелик. Запуск космической ракеты детям не покажешь – то жидкого кислорода с водородом не завезли, то ракеты на областном складе кончились, то планеты не в том положении, чтобы к Марсу стартовать. Объясняют школьникам пословицы с поговорками, учат их загадки разгадывать, в игры играть. В самые простые детские игры, в которые и мы, и наши дедушки с бабушками играли, которые нынешним детям заменил компьютер. Рассказывают сотрудники музея детям о старых обычаях. К примеру, о постной пище. Купит Любовь Александровна за свои деньги в магазине пару буханок черного хлеба, пучок зеленого лука, покрошит хлеб и мелко нарезанный лук в подсоленную воду, налитую в деревянную лохань, и ставит эту крестьянскую тюрю на стол. Как-то раз весь класс уж вышел из музея на улицу строиться, а двое мальчишек вернулись и попросили разрешения эту тюрю доест. Уж больно вкусна. Вот скоро будет Медовый Спас – так будут в музее рассказывать детям про пчеловодство. Принесла в музей Любовь Александровна дымарь, доставшийся ей от отца, заядлого пчеловода, а без меда детей не оставят.

– Для малышей я играю роль бабушки Агаши, – улыбнулась Любовь Александровна. – Наряжаюсь в крестьянский сарафан, повязываю платок и играю. Дети меня любят. Верят в то, что я старинная крестьянка. Бывает, шепчут на ухо бабушке Агаше про свои детские обиды или про двойки в школе, которые от родителей утаили. Тех, которые постарше, нарядим в крестьянскую одежду, обуем в лапти, заведем им на патефоне пластинку Мордасовой, где она поет «Эх, лапти мои, лапотушечки! До чего же хороши, как игрушечки!», и давай они плясать! Заодно и расскажем им, как плетут лапти да почему вязовые лапти прочнее липовых. Раньше деревенская молодежь на гулянки старалась приходить в вязовых. В них хоть всю ночь пляши – не развалятся. Удивительное дело – нынешние даже на танцы перестали ходить. Ходят только в бар. У нас, в Пестяках, их теперь несколько. И даже там, в этих барах, когда играет музыка, все равно не танцуют – только пьют и молчат, а как напьются – так давай драться.

Она вздохнула, покачала головой и продолжала:

– Ну, это я все про детей, а вот вам про взрослых. Недавно устроили мы в музее заседание, посвященное Дню рыбака. У нас в Пестяках, почитай, каждый первый рыбак. Пришли они к нам – и старые, и молодые. Целых семь человек. Мы им тоже загадки загадывали про поведение рыб, про наживку, про то, как кого лучше ловить. После загадок стали они рыбацкие истории рассказывать. Про огромного сома, которого ловили на утку, насаженную на крюк, прикрепленный к стальному тросу. Это в наших-то речках, которые воробью по колено. Ушел, конечно, сом. Утку проглотил, трос перекусил и ушел. Видать, в землю по уши зарылся. наших рыбаков больше всего кошки любят. Только они эту пойманную нашими мужьями мелочь и едят. Да и то не все. Мой кот не ест. Подавай ему из магазина.

– А где ваши мужья работают, когда не ходят на рыбалку? – спросил я.

– Кто устроился – тот лес валит и пилит, а кто нет – едет в Москву охранником. Даже женщины едут. Кто не пилит и не уехал охранником – тот водку пьет. Пропивает последнее. Ну что про них говорить. Я лучше про лес скажу. Лес, конечно, пилят, а чистить – не чистят. Раньше мы в него чуть ли не в тапочках ходили, а теперь сплошной бурелом да сучья. Оно и горит все летом ужас как... Неужто у них в Москве нет такого министра, который бы за чистоту леса отвечал?

Я слушал ее и думал, что у нас в Москве много разных министров – кто отвечает за воровство из казны, кто за то, чтобы повышать квартплату каждый год, кто за выплату нищенских пенсий, кто за футбол, кто за... а вот за чистоту леса никто не отвечает. Из Москвы и леса-то не видно. Один асфальт кругом.

Надо сказать, что и местные власти приведением леса в порядок мало интересуются. У местных властей тоже дел по горло. Они заняты выборами, перевыборами, протаскиванием

своих на хлебные места, вытаскиванием чужих с этих мест. Пока чужих вытащишь и своих протащишь – глядишь, новые выборы на носу. Нет, это не межпартийная борьба. Партия в Пестяках у всех одна – партия власти. И между собой члены этой партии бьются не на жизнь, а на смерть. Тут уж не до леса и не до музея, которому нужно новое помещение.

– Какая им от культуры прибыль? – спрашивает меня Любовь Александровна. – Чем у культуры можно поживиться? Ну ладно. Бог с ней, с культурой, а вот была у нас строчевышивальная фабрика. Пятьсот женщин на ней работало. Не стало фабрики. Не стало потому, что ее директор устал бороться за нее. Он старый, пенсионер, и помощи от властей ждать ему не приходилось. Теперь кто-то арендует там один маленький цех и что-то шьет. Три с половиной человека занято. Зато сапоговаляльная фабрика работает. Может, потому и работает, что принадлежит она жене главы администрации. Вы приезжайте к нам зимой. Я вам экскурсию устрою на эту фабрику. Посмотрите своими глазами, как сапоги...

Признаться, осмотр пестяковской сапоговаляльной фабрики не входил в мои планы. Мы стали прощаться и обмениваться на всякий случай номерами телефонов, которыми никогда не воспользуемся.

И вот еще что. В той комнате, где мы беседовали о пестяковских рыбаках, все стены были увешаны забавными и смешными рисунками из рыбацкой жизни, нарисованными местным художником Юрием Кипариным. Наверное, это все лишние, ненужные сведения читателю, который никогда не поедет в Пестяки, не зайдет в тамошний музей и не увидит этих рисунков, но... они есть на белом свете – и рисунки, и Юрий Кипарин, и неутомимая Любовь Лакеева, которой приснился музей, и музей со старыми утюгами, корытами, квашнями, лаптями, макетом нефтеперегонной установки братьев Дубининых, которым на родине так и не поставили памятник, и сами Пестяки, с их деревянными и кирпичными домиками, рыбаками, кошками, резными наличниками и пахучими бархатцами в палисадниках. Их совсем не видно из Москвы, их даже из областного Иванова видно с трудом, но они есть и еще будут, пока сил у них хватит быть.

Август 2014

Библиография

Родниковый край – Пестяки: прошлое и настоящее п. Пестяки и р-на / Авт.-сост. И. Антонов. Иваново: Новая Ивановская газета, 2004 (ОАО «Иван. обл. тип.»). 247 с.

ГАЗ МАРАБУ ЛАНСЕ

Фряново

Саше Послыхалину и Кате Черновой

Серым зимним днем, который только и есть что промежуток между двумя ночами, я ехал в подмосковное Фряново по забитым машинами дорогам и думал, отчего у этого поселка такое обидное название. Сами посудите – корень у этого названия должен быть «фря». Тут же приходит на память достоевское из «Униженных и оскорбленных» (а если говорить правду, то из кинофильма «Осенний марафон»): «Да за кого ты себя считаешь, фря ты эдакая, облизына зеленая?» В русском языке, как уверяют нас толковые словари, «фря» означает и жеманницу, и ломаку, и гордячку, и кривляку, и задавалу, и еще десяток похожих обидных слов. И все это богатство, как пишут все те же словари, произошло от исковерканного нами немецкого «фрау» и шведского «фру». Неужто во Фряново живут... Впрочем, не буду тебя, читатель, дальше разыгрывать, а признаюсь честно, что ничего этого не думал. Перед поездкой во Фряново я начитался в интернете до одури краеведческих статей по этому поводу и вообще не знал, что и думать по поводу топонима «Фряново».

«Итальянская слобода»

Если представить себе этот топоним в виде кочана капусты, то первым, внешним листиком будут прочно забытые нами сведения из школьного курса истории о том, что строителями Московского Кремля в конце XIV и в начале XV века были итальянцы: Антон Фрязин, Марк Фрязин, Алевиз Фрязин Старый, Алевиз Фрязин Новый, Бон Фрязин, Петр Малый Фрязин, Петр Френчужко Фрязин (строивший, кстати, не Московский, а Нижегородский Кремль). Короче говоря, потомков всех этих фрязинов хватило бы не только на поселок Фряново, но и на город Фрязино, что в тридцати километрах от поселка. Ну, пусть и не потомков, а тех, кто населял земли «Итальянской Слободы» (назовем ее так) на северо-востоке Подмоскovie. Получается что-то вроде нынешних клубных поселков с красивыми названиями типа «Маленькая Италия» или «Английский квартал». Красивая легенда, но... Начнем с того, что итальянцев тогда не было. Как не было и самой Италии. Даже в проекте. Ломбардия была, Тоскана была, Генуя была, и Венеция была, а вот Италии... На этом месте оторвем один капустный листик и узнаем, что не только итальянцам (для простоты будем их называть так), но и любым другим иностранцам обоюдо полу было в тогдашней Московии строго-настроено запрещено владеть землей. У них была, выражаясь современным языком, только рабочая виза. Приехал – построил кремль, научил лить пушки, рисовать тушью на пергаменте чертежи подкопов под стены Казани, и все – чемодан, вокзал, Рим или Флоренция. Их, этих иноземцев, даже и называли, в отличие от русских служилых людей, «кормовыми», как свеклу. Они получали за свою службу «корм» – денежное довольствие, а наш служилый человек мог получить и землю, и людшек на ней. В общих чертах такое деление сохранилось и до сегодняшнего дня. Только «кормовыми» теперь можно назвать всех нас, а, к примеру, министр, или депутат, или... Однако я увлекся. Лучше мы оторвем еще один листик и посмотрим, что осталось.

Оказывается, что ни в Москве, ни в Подмоскovie не остается ничего, что могло бы нас навести на мысль о происхождении топонима «Фряново». Оказывается, что искать надо гораздо южнее – в Крыму. В те далекие средневековые времена Крым был не наш. Настолько не наш, что нынешнему патриоту даже и представить себе невозможно и обидно до хронического насморка. В Крыму, на территории, принадлежавшей туркам, еще с XIII века находились фак-

тории генуэзских купцов. Первое упоминание о рабочем визите гостей из Крыма в Москву приходится на княжение Ивана Калиты в середине XIV века. Звали гостей... Нет, не фряжинами, а сурожанами, поскольку приехали они из места, которое тогда называлось Сурож, а теперь Судак. Одни историки считают, что это были генуэзцы, а другие – что это были русские, торговавшие с генуэзцами, которых русские называли «фрягами» или «фряжинами». Приезжали они в Москву не один и не два раза, поскольку торговля была довольно оживленной. И стали они, то есть фряги или фряжины, мало-помалу обрусевать, или русеть, или белобрысеть... Короче говоря, завелись у них русские жены с русыми волосами и такими голубыми глазами, что не только в службу к великому князю Московскому перейдешь, а и православие примешь. Они и перешли, и приняли, и вступили в привилегированное сословие «гостей», которым как раз и разрешалось покупать вотчины, владеть землей и людьми. Уф... Оторвем и еще листик, но кочерыжки в виде топонима «Фряново» не увидим.

Те историки, которые не одни, не другие, а вовсе третьи, считают, что гостями из Крыма тут дело не обошлось. К примеру, византийского посла, который привез Ивану Третьему портрет его будущей жены Софьи Палеолог, звали Иван Фрязин. Этот, напротив, ничем не торговал, а был монетный мастер, а вот уже его племянник Антон Фрязин строил Тайницкую башню в Кремле, и вообще... фряжинами могли звать совершенно русских купцов, торговавших с генуэзцами. Кстати сказать, точно таких же русских купцов, торговавших с греками, называли «гречниками» или «гречинами». Отчего бы, спрашивается, и фамилии Фрязин, а вслед за ним и топониму «Фряново» не образоваться таким же манером? Надо заметить, однако, что изначально, еще в конце XVI века, Фряново, как и близлежащий городок Фрязино, называлось Фрязиново.

Сорвем еще один листик и под ним увидим, что... недолго жили фряжины в Подмосковье – Иван Третий переселил их в Новгород, который как раз с его помощью перестал быть Великим, и в окрестности Вологды. Почему переселил? Неприязнь к ним испытывал. Подозревал в тайных умыслах. Он и вообще был страшно подозрителен и потому регулярно переселял то фряжинов в Новгород, то новгородцев во Владимир, а то и москвичей (разумеется, не всех, но богатых и тоже не всех) выселял из столицы куда подальше. Кстати говоря, фряжины переехали на Вологодчину вместе с названием своих подмосковных земель. До сих пор в Вологде существует район Фрязиново.

Золотая парча коронационного платья

Поскольку пустошь Фряново переехать никак не могла, то стала она переходить из рук в руки новых владельцев. То купит ее дьяк, то царский стольник, то московский стряпчий, то воевода... Из всего длинного списка владельцев Фрянова с конца XV до начала XVIII века упомянем лишь двух – дьяка Разбойного, Разрядного и Поместного приказов Андрея Вареева и Михаила Желябужского. Первый был знаменит не только тем, что получал тройное жалованье (он его и не получал вовсе, поскольку работал в этих приказах в разное время), но и тем, что был в составе посольства в Кострому для призвания Михаила Романова на царство. Подпись Вареева стоит под грамотой о единогласном избрании на российский престол царем и самодержцем Михаила Федоровича Романова. И еще тем, что на его руках скончался князь Пожарский, под началом которого он служил не один год. Что же до Михаила Васильевича Желябужского, то был он при Петре Первом обер-фискалом. Должность большая, генеральская – что-то вроде нынешнего начальника Главного управления по экономической безопасности и борьбе с коррупцией. С такой должности падать... Короче говоря, попался Михаил Васильевич на подделке завещания некоей вдовы, квартиру в Лондоне деревню которой он переписал на жену. Этого ему показалось мало, и спустя три года он еще одну деревню таким же манером переписал на своего заместителя. Поскольку при Петре Алексеевиче выйти в отставку, перейти на дру-

гую работу, уехать на ПМЖ в Женеву или на Лазурный берег было довольно сложно, то пришлось признавшему свою вину бывшему обер-фискалу ответить сполна – имущество у этого человека с хитрожопой головой и липкими руками конфисковали, били кнутом и сослали на пять лет в каторжные работы. Буквально за год до того, как Желябужского схватили за руку, успел он продать Фряново некоему Игнатию Францевичу Шериману.

Тут надобно несколько отступить во времени назад, чтобы объяснить читателю – откуда взялся во Фрянове уроженец персидского города Новая Джульфа армянин Игнатий Шериман. Пока Иван Третий из бывших крымчан делал бывших жителей Подмосковья, Персия делала жизнь проживающих там армян, мягко говоря, невыносимой. Помогали ей в этом некрасивом занятии турки. Так помогали, что бедные армяне, которые на самом деле были довольно состоятельными торговыми людьми, стали подумывать о том, что неплохо бы поискать счастья в России. Они рассуждали точно так же, как Лермонтов, который спустя полтора года лет писал: «Быть может, за стеной Кавказа сокроюсь от твоих пашей...» Армяне хотели скрыться от турецких и персидских пашей, и пересекали они Кавказский хребет начиная с середины XVII века, в обратном направлении – в сторону России, которая им не казалась такой немойтой, как Михаилу Юрьевичу. Видимо, при Алексее Михайловиче и его сыне Петре Алексеевиче она еще не успела так изгваздаться, как при Николае Павловиче.

Игнатий Францевич Шериман³⁴ был тем, кого теперь называют деловым человеком. На одном месте сидеть не любил. Часто ездил из России в Персию и обратно, снабжая русские мануфактуры шелком-сырцом. Сложно сказать, каким образом, но через малое время после приезда в Россию оказался он одним из пяти соучредителей одного из самых крупных в России предприятий с неблагозвучным для современного уха названием «Штофных и прочих шелковых парчей мануфактура». В это, так сказать, закрытое акционерное общество, созданное по царскому указу в 1717 году и призванное за три года полностью удовлетворить спрос на российский рынок в дорогих тканях, поначалу входили вице-канцлер и президент Коммерц-коллегии Петр Павлович Шафиров, граф Толстой и генерал-адмирал Апраксин³⁵. Вся эта компания корыстолюбивых государственных мужей, хоть и обещавшая Петру удвоить ВВП догнать и перегнать, в текстильных мануфактурах не понимала ничего (ткать-то они умели отлично, правда, не шелк, а паутину и совсем для других целей), но в ее руках оказалась монополия на ввоз дорогих тканей из-за границы. Понятное дело, что ввозили их временно, только до того момента, как заработает свое собственное производство, понятное дело, что ввозили только образцы, чтобы на них учились наши мастера, понятное дело, что образцов этих ввозили столько, что прибыль от их продажи... Короче говоря, дело не шло, а стояло на месте. Где его Петр своим указом поставил – там и стояло. После того как вмешался, откуда ни возьмись, появившийся Александр Данилович Меншиков – дело уже и стоять не могло, а стало разваливаться на глазах. От расстройств главный иностранный специалист, привезенный из

---

³⁴ Правду говоря, Игнатий Шериман ехал в Московию совсем не по целине, а по довольно проторенной дороге. Еще при отце Петра Первого, Алексее Михайловиче, отец Игнатия Шеримана Захарий Саградов (Шериманян) приезжал в Москву по делам Армянской торговой компании из Новой Джульфы. Чтобы дела этой компании шли в России не просто хорошо, а очень хорошо, подарил он русскому царю трон. Покрытый золотом и слоновой костью трон был инкрустирован жемчугом, яхонтами и восемьюстами алмазами. После этого дела Армянской торговой компании пошли так хорошо, что английские купцы, торговавшие в Московии в то время, довольно долгое время испытывали такую неприязнь к армянам... Не только на свою любимую жареную треску с картошкой смотреть не могли, но даже и от черной икры отворачивались. В скобках все же должен заметить, что некоторые историки сомневаются в том, что Захарий Саградов был отцом Игнатия Шеримана. Ну может, и не отец. Может, дядя. Может, даже двоюродный. Может, и не дядя вовсе. Согласитесь, однако, что с отцом вся эта история выходит гораздо занимательнее.

³⁵ Шафиров и Толстой получили от правительства жалованную грамоту на «исключительное заведение в России фабрик серебряных, шелковых и шерстяных парчей и штофов, також бархатов, атласов, камок и тафт, и иных всяких парчей... лент... и чулков». Еще и торговать беспощинно всем произведенным добром разрешили на всех ярмарках пятьдесят лет. Еще и дали беспроцентную ссуду. Наверняка Петр награждал бы их рубанком или стамеской с царского плеча, если бы они произвели хоть что-нибудь сравнимое по качеству и цене с заграничными шелками.

Франции для обучения русских шелкоткачеству, запил горькую. Понятное дело, что именно на него списали начальники все неудачи и отправили, от греха подальше, домой, чтобы не болтал здесь лишнего.

Окончательно разладилось все из-за какой-то свары между Меншиковым и Толстым по поводу... Все равно по какому. Написали учредители Петру письмо о том, что трудно им без опыта в купеческом деле. Наживаться на ввозе импортных тканей они готовы были сколь угодно долго, а вот что касается производства, шелка-сырца, ткацких станов, всех этих сиволапых мужиков, которых надо обучать ткацкому мастерству... Хорошо бы включить в состав учредителей каких-нибудь купцов-промышленников. Пусть они завозят сырье, плетут, вяжут, ткут и что там еще делают в подобных случаях. Включили пять купцов, в числе которых и оказался Шериман. Он первым понял, что в таких, собранных по царскому указу, колхозах дела не сделаешь, и решил отделиться, забрав свой пай. Игнатий Францевич действительно хотел заниматься шелкоткачеством не на бумаге, а на собственной фабрике. И не где-нибудь, а во Фрянове, которое он приобрел незадолго перед тем, как расстаться со своими компаньонами.

Не с голыми руками приехал Шериман во Фряново, на берега маленькой речки Ширенки³⁶. Он привез с собой двадцать шесть ручных ткацких станов и двадцать три мастера-ткача. С этих двух десятков с лишним ткацких станов и такого же количества ткачей и началась первая в Подмоскovie текстильная мануфактура, а уж с Фряновской шелкоткацкой мануфактуры, в свою очередь, началось все то великое множество подмосковных текстильных производств, которое уже в первой половине XIX века назовут «Русским Лионом и Руаном».

Шериман подошел к делу серьезно – завез из Персии сырье, выстроил просторные каменные корпуса, дополнительно набрал рабочих и стал учить их шелкоткацкому мастерству... На самом деле не от хорошей жизни он выстроил каменные. Игнатий Францевич сначала построил деревянные, но их сожгли местные крестьяне, а они бы не жгли, кабы их по указу императрицы Анны Иоанновны от 1736 года не прикрепили к фабрике навечно, а их бы не прикрепили, если бы не было страшной нехватки ткачей (не только на фряновской фабрике), а откуда было взяться ткачам, если Шериман, как уже было говорено, привез с собой во Фряново всего два с небольшим десятка³⁷.

Шеримановские ткачи представляли собой довольно живописный срез тогдашнего российского общества. Безусловно, срез его нижней, даже подводной части. Это была в некотором роде Австралия времен первых поселенцев в миниатюре. Петр одним из тех указов, что «писаны были кнутом», отправлял на фабрики тех... Кого могли поймать на больших дорогах, в кабаках и даже на папертях – тех и отправляли без всякого суда рабочими на мануфактуры. Получалось что-то вроде трудовых колоний, в которых жили и работали «тати, мошенники, пропойцы, винные бабы и девки», профессиональные нищие, проститутки и беглые крестьяне. Во Фрянове кроме, так сказать, вышеуказанных категорий граждан был даже один пленный швед, которого угораздило попасть в плен во время Северной войны. Справедливости ради надо сказать, что было еще несколько мальчиков-сирот, но общей картины они изменить не могли, а лишь придавали ей еще больше экспрессии. Всю эту команду, как могли, обучали ткацкому ремеслу французские мастера.

---

³⁶ Будете ехать из Москвы во Фряново – у моста через реку Ширенку посмотрите направо – увидите синюю табличку, на которой так и написано «р. Ширенка». Станете этой же дорогой возвращаться в Москву (а другой там и нет, поскольку во Фрянове дорога кончается), то на табличке с противоположной стороны моста тоже увидите синюю табличку, на которой будет написано... «р. Ширинка». То ли «топограф был, наверное, в азарте иль с дочкою судьи накоротке», то ли еще что...

³⁷ Была и еще одна причина, по которой текстильные фабриканты (в том числе и Шериман) обратились с прошением к Анне Иоанновне о закреплении рабочих на фабриках, – воровство. Одна мануфактура у другой мануфактуры тащила все, что не только плохо, но даже и хорошо лежало. Воровали технологии крашения, рисунки по тканям и образцы самих тканей. И ведь что удивительно – одной рукой подписывали прошение к императрице, а другой (всеми остальными руками), даже и не подозревавшей о том, что делает первая, продолжали воровать.

При фабрике была постоянная вооруженная охрана, которая не столько охраняла рабочих, которые и сами могли обидеть кого угодно, а скорее охраняла местных жителей от этих рабочих.

Вернемся, однако, к сожженным производственным корпусам. Надо сказать, что поджигатели были не из числа тех, кто понаехал из Москвы, а местные монастырские крестьяне из близлежащей деревни. Поначалу они нанимались на фабрику сезонными рабочими, обычно с осени до весны, пока не нужно пахать, боронить, сеять, косить и делать все то, что делают крестьяне с весны по осень, как вдруг одним хмурым утром прискакал в их деревню взмыленный, как лошадь, вестовой из Москвы, всех согнали на площадь и приказчик Шеримана зачитал на общем сходе царский указ о том, что они теперь «вечноотданные» фабрике и ее владельцу, а после зачитывания еще и назидательно выпороли тех, кто громко кашлял в крепко сжатые пудовые кулаки. Воля ваша, а тут и сам не заметишь, как станешь жечь ненавистную фабрику.

Несмотря на все эти, мягко говоря, отягчающие обстоятельства, продукция фабрики Шеримана была очень высокого качества. Достаточно сказать, что золотая парча коронационного платья Елизаветы Петровны была не французской, не персидской, а именно фряновской работы. Тончайшие немецкие золотые нити искусно переплели с нитями персидского шелка. Парча так сверкала, что у статс-дамы Натальи Лопухиной, извечной соперницы императрицы в амурных делах, случился жестокий приступ куриной слепоты.

Понятное дело, что получить госзаказ на парчу для коронационного платья можно было не более одного или двух раз в жизни, а потому в годы, когда коронаций не случалось, фряновские мастера ткали шелковые штофные обои, шерсть, бархат, платки и серую шелковую ткань с цветочным орнаментом под названием гризет³⁸.

Уже на собственный счет Шериман купил несколько сот крестьян у окрестных помещиков для своих нужд, а прежде всего для нужд фабрики³⁹. Заодно разбил регулярный парк, построил дом и, когда он в 1752 году скончался, то оставил после себя успешно работающую фабрику, которую его сын Захарий Шериман... через несколько лет продал вместе с приписанными к ней рабочими-крестьянами и всеми земельными угодьями двум своим землякам и соплеменникам из Новой Джульфы – двоюродным братьям Лазарю и Петру Лазаревым. Почему он так поступил – теперь уж не выяснить. Проигрался в карты – тут не подходит ни по буквам, ни по смыслу. Может, потому, что был армянином-католиком, а католиков в России не любили никогда. Может, потому, что в российском деловом и инвестиционном климате он часто простужался и кашлял. Так или иначе, Захарий Шериман уехал в Европу, осел где-то в Италии, написал там обширное полуфантастическое сочинение о некоей загадочной стране, напоминающее одновременно и Свифтовы «Путешествия Гулливера», и «Персидские письма» Монтескье, в котором эту загадочную страну подверг суровой критике. На этом его следы теряются.

Штофные шелковые обои

Мы же искать их не будем, а вернемся во Фряново. Новые его хозяева хоть и происходили из Новой Джульфы, но были православными армянами. Людьми они были, мягко говоря,

---

³⁸ Вот на этом месте вы, поди, ждали какой-нибудь фривольной шутки о гризете и гризетках? Ее не будет. Гризетки – тема совершенно другого рассказа. Да и какие, спрашивается, гризетки в России во времена Анны Иоанновны и Елизаветы Петровны? О них тогда и знать не знали. То есть знали, конечно, но называли по-другому.

³⁹ Нельзя сказать, что государство ему не помогало. Помогало, как могло и умело, а умело оно прислать во Фряново несколько десятков рабочих с разорившихся фабрик, лихих людей, промышлявших на большой дороге, и пьяниц (куда же без них), которых у государства всегда было в достатке. К примеру, в 1748 году на фабрику была отдана за «пьянство и позднегохождение» крестьянка Анна Васильева из деревни Мневники, которую, как следует из материалов ее дела, в деревню Фряново «за непотребством староста со крестьянами не принимают».

небедными. Настолько не бедными, что, выписали «из Италии искуснейших красильных мастеров, не щадя при том немалых издержек как на содержание сих, так и на обучение собственных своих людей мастерствам красильному, рисовальному и иным, для которых также нанимались иностранные мастера», построили еще несколько каменных корпусов, и к началу семидесятых годов XVIII века шелкоткацкая фабрика производила на сотне станков ежегодно четыре сотни пудов персидских, турецких, итальянских и китайских шелковых тканей.

Между прочим, ткач в процессе работы видел лишь изнанку ткани, а потому должен был уметь безошибочно высчитать, сколько и через какое количество синих нитей нужно вплести красных, потом снова синих, потом две зеленых, потом... и не дай бог перепутать, а чтобы не перепутать и чтобы не выпороли или не отделили батогами, необходимо было постоянно сверяться с заранее нарисованным рисунком орнамента. Это как смотреть на рисунок самолета и делать его на глаз, не пользуясь ни штангенциркулями, ни микрометрами, ни даже простой линейкой, а высчитывая все размеры в уме.

Рисунки, по которым работали мастера-ткачи, рисовали художники, называвшиеся «десигнаторами». Первых десигнаторов привезли из Италии и Франции (вместе с рисунками), а вот первую в крае школу для крестьянских мальчиков, в которой обучали профессии десигнатора⁴⁰, открыл в 1782 году Иван Лазаревич Лазарев – старший сын Лазаря Лазарева и владелец Фряновской мануфактуры.

Сказать об Иване Лазаревиче «владелец Фряновской мануфактуры» – значит ничего не сказать. Он был настоящий «мистер Твистер» екатерининского царствования. В самом, однако, хорошем смысле. Миллионер, владелец пятнадцати тысяч крестьян, огромных земельных угодий в семи губерниях, Лазарев – не просто финансовый воротила, олигарх и человек, который был на дружеской ноге с братьями Орловыми, князем Потемкиным и государственным канцлером Безбородко. Иван Лазаревич строил чугуноплавильные железоделательные и медеплавильные заводы на Урале, осваивал новые рудники, экспортировал металл собственного производства, и не куда-нибудь, а в Англию⁴¹, управлял соляными промыслами в Пермском крае, был советником Государственного банка России, автором проекта переселения армян на Северный Кавказ и в Крым, в результате которого десятки тысяч армян стали подданными Российской империи, строил за свой счет школы, детские приюты, наконец, он, вместе с другими промышленниками, хотел вложить огромные деньги в развитие Аляски. Если бы не Екатерина, которая не дала ходу этому предприятию... И хорошо, что не дала. Берингов пролив – это вам не Керченский. Восемьдесят шесть километров не четыре с половиной, и мост, который пришлось бы строить... Зато в Беринговом лед не в пример толще и по нему хоть на танке... Оставим, однако, эти опасные для здоровья параллели и вернемся к Ивану Лазаревичу. Правду говоря, все эти достойные удивления, уважения и самого пристального внимания ученых-историков стороны деятельности Лазарева для нас, обывателей, затмеваются одним-единственным фактом его биографии – продажей бриллианта весом почти в две сотни каратов графу Орлову, который преподнес его Екатерине Великой в день ее рождения. Екатерина Алексеевна повелела вставить камень в императорский скипетр, и почти все европейские монархи, исключая только самых бедных, не имевших скипетров, узнав об этом, почернели от зависти.

---

⁴⁰ Первая школа просуществовала около десяти лет. Родители не хотели отдавать детей учиться. Дети, как и взрослые, зарабатывали деньги, трудясь от зари до зари на фабрике. Хоть и платили им не в пример меньше взрослых, а лишними эти копейки в семьях не были. Да и крепостного права никто не отменял. Сегодня ты десигнатор, а завтра конюх, если барин захочет, и на конюшне тебе спину изрисуют плетью так, что никакому десигнатору такие узоры не снились.

⁴¹ Спроси у любого из тех, кто прочел хотя бы школьный учебник истории, знает ли он Демидовых? Конечно знает. И про уральский чугун и пушки знает. А вот про Лазаревых вспомнят только специалисты да те энтузиасты, что до сих пор каждые четыре года устраивают Лазаревские чтения. И это при том, что семейство Лазаревых, в отличие от Демидовых, управляло своими уральскими заводами полтора столетия до самого начала военного коммунизма, а не уехало в XIX веке на ПМЖ в солнечную Италию.

Трудно после упоминания, даже беглого, о таком огромном бриллианте продолжить рассказывать о маленьком Фрянове... И все же я попробую.

При Иване Лазареве качество бархата, парчи и штофов нисколько не уступало французскому, но даже и превосходило его⁴². Отрезы фряновских тканей (всего их выпускалось до тридцати видов) даже дарили иностранным послам, и те просили отрезать еще. Штофные шелковые обои были так хороши, что ими украшали стены елизаветинских, екатерининских и павловских дворцов. Растительные орнаменты, лебеди, павлины, пастушки, нифмы, фавны... Мало кто знает, что разнообразие самых фантастических птиц на фряновских штофах было так велико, что по специальному заказу Ивана Лазаревича гоф-медик и аптекарь Екатерины Великой Леопольд Карлович Гебензимирбитте составил их (птиц) специальный определитель, где подробно описал не только экстерьер, но даже реконструировал возможные голоса этих удивительных пернатых, размножавшихся при помощи изнаночных узелков.

Еще и теперь образец фряновских шелковых шпалер украшает стены одной из комнат Большого Царскосельского дворца, и на нем кроме клейма владельца фабрики стоит фамилия крепостного мастера.

Иван Лазаревич часто бывал во Фрянове. Для своих нужд он выстроил там деревянную усадьбу⁴³, в которую я и приехал. В те времена никто не рассчитывал, сколько должен просто-

---

⁴² Между прочим, в жалованной грамоте Екатерины Второй, подтверждающей дворянское достоинство рода Лазаревых, сказано: «...выехал он Лазарь с детьми с именем в нашу Империю, здесь же здесь завел знатную Мануфактуру и всегда оказывал с детьми своими нам многие услуги, за что Мы 1774 года 20 мая его Лазаря Лазарева, его детей и их потомков пожаловали в российские дворяне».

⁴³ Выстроил, но пожить в ней не успел. Иван Лазаревич скончался в том же самом году, в котором усадьбу достроили. Тем не менее с его жизнью во фряновской усадьбе связан целый ряд легенд, которые с большим удовольствием и каждый раз с новыми подробностями вам расскажут... нет, не в музее. В музее теперь все поставлено на научную основу, а вот от краеведов-любителей можно узнать, к примеру, легенду о Красном Алмазе. Мало кто знает, что отец Ивана Лазаревича Лазарева, Лазарь Назарович Лазарев, вывез из Персии вместе с бриллиантом «Орлов» еще и Красный Алмаз. Дело в том, что Лазарь Назарович был казначеем персидского шаха и понравившиеся ему казенные алмазы откладывал на черный день. Красный Алмаз был отложен на черный день одним из первых. К тому времени, когда усадьба была построена, Лазарь Назарович уже давно умер, и в стену усадьбы Красный Алмаз пришлось замуровывать его сыну Ивану. Обо всем этом, начиная со службы Лазаря Назаровича у шаха, откладывания алмазов на черный день и до самого места, куда Красный Алмаз замуровали, подробно написано в старых бумагах [в этих же бумагах было написано, что за продажу бриллианта «Орлов» русской короне императрица положила Ивану Лазареву ежегодную пенсию в четыреста тысяч золотых екатерининских рублей, а не в ассигнациях, как думают незнающие люди], которые были найдены под обоями при ремонте усадьбы. К несчастью, бумаги вместе с обоями куда-то потом запропалились, но еще первый директор музея в знак особого доверия показывал то место в усадьбе, куда был замурован драгоценный камень. Ну не то чтобы указывал конкретно то самое место, где Иван Лазаревич крестиком отметил схрон с алмазом, а поднимал указующий перст к потолку второго этажа, возводил очи горе и таинственно молчал. То место, в котором первый директор музея многозначительно молчал, закатывал глаза и поднимал вверх палец, мне показали. Крестика, который оставил Иван Лазаревич, я там не увидел – должно быть, случайно забелили при очередном ремонте. Тем не менее молва о Красном Алмазе дошла до столицы и телевизионный Третий Мистический Канал оборвал все телефоны нынешнему директору музея, умоляя пустить их в дом с бриллиантоискателем, чтобы если и не отыскать сокровище, то хотя бы сделать о нем мистическую передачу. Уже и ведущий натренировался поднимать палец вверх, уже и перемерил он на плане усадьбы все комнаты, все коридоры и чуланы, не оставив невымеренной ни пяди. Оказалось, что высота всего дома десять сажень три аршина и шесть пядей, а если взять отдельно высоту комнат, расположенных одна над другой, и сложить, и еще прибавить толщину перекрытий, то окажется, что общая высота равна не более десяти сажень одного аршина и трех пядей. Значит, куда-то исчезли целых два аршина и три пяди... или две. Короче говоря, совершенно ясно, что Красный Алмаз надо искать наверху. Конечно, правильно, что директор их не пустила в усадьбу, но если бы пустила – какие сокровища Агры могли бы получиться... Еще одна легенда связана с виноделием. Могли ли Лазаревы, при-родные армяне, не заниматься виноделием? Нет, бутылок с коньяком в усадьбе или усадебном парке не находили. То есть находили, но пустые и к Лазаревым отношения не имеющие никакого. И все же... Однажды в парке, в беседке, которая не сохранилась, какой-то мальчик, в тот самый момент, когда то ли в карты играл с товарищами, то ли просто курил в рукав тайком от родителей, провалился под землю и вылез пьяный там обнаружил огромный подвал глубиной с четырехэтажный дом [по другой легенде, которая является ответвлением от этой, в таких же четырехэтажных подвалах, но под самой усадьбой, выращивали тутового шелкопряда, чтобы не возить его из Персии. Выращивали, понятное дело, в самом строгом секрете], в котором стояли не менее огромные бочки с коньяком, полусладким армянским шампанским и даже армянским портвейном, против которого португальский просто карлик... Вино, как и беседка, не сохранилось. И бочки тоже. Вы хотите спросить – а был ли мальчик? Может, и был, но он тоже не сохранился. Совсем в отрывках до нас дошло еще одно предание о посещении усадьбы князем Потемкиным-Таврическим и канцлером империи князем Безбородко. Собственно говоря, кроме этого факта ничего более и не известно. Читателю предлагается самому додумать, что из армянских вин и коньяков было подано к столу, подарил ли

ять дом, прежде чем его снесут и на этом месте устроят торговый центр с подземной парковкой, а потому строили навсегда. К примеру, доски пола второго этажа положили дубовые, шириной от шестидесяти до восьмидесяти трех сантиметров. Они выдержали все – и революционную поселковую администрацию, и драмкружки, и общеобразовательную школу, и квартиры учителей, и до сих пор никто от них не услышал ни единого жалобного скрипа. Теперь в усадьбе живет Фряновский краеведческий музей. Его организовали десять лет тому назад местные энтузиасты. Самым активным энтузиастом был настоятель местной церкви Иоанна Предтечи, построенной еще Иваном Лазаревым, отец Михаил Герасимов. Батюшка имел большое влияние на тогдашнего главу местной администрации – женщину богобоязненную и воцерковленную до такой степени, что без его благословения она не предпринимала... Впрочем, нет. Без благословения отца Михаила глава администрации ополчилась на языческую Бабу-ягу и требовала от устроителей детских спектаклей на новогодних елках вычеркнуть ее из списка действующих лиц⁴⁴. Как бы там ни было, отец Михаил при активном содействии фряновских краеведов-энтузиастов В. Н. Морошкина, А. Ф. Круподерова и Г. Н. Донченко смог убедить главу администрации организовать в усадьбе Лазаревых краеведческий музей. В первое время существования музея не обошлось, конечно, без перегибов на местах. Фряновцы несли в музей все подряд – от старых угольных утюгов до старых пустых бутылок. Мало того, какой-то не очень остроумный человек шепнул первому директору музея, что большое количество экспонатов автоматически переводит музей в более высокую категорию, а более высокая категория – это, понятное дело, более высокая зарплата. Директор, не мудрствуя лукаво, просто установил план каждому сотруднику по сбору экспонатов. Сотрудники с директором спорить не стали и несли, тащили и волокли в музей экспонаты в промышленных количествах. Очищать экспонаты от грязи директор строго запрещал – почему-то ему казалось, что чем они грязнее, тем древнее. Сам ли он до этого додумался или кто-то ему подсказал – теперь уж не имеет значения. Так или иначе, музей ожил и заработал. Неутомимый В. Н. Морошкин написал письмо в армянское посольство, и в усадьбу стали приезжать армяне. Три раза общество «Арарат» проводило во Фрянове Лазаревские чтения по истории армян в России. Около ста человек приехало. К первому разу администрация поселка сделала и установила памятную доску «Усадьба И. Л. Лазарева» и устроила банкет для участников чтений. Во второй раз сотрудники музея устроили для армянских гостей экспозицию, посвященную Лазаревым, прочли доклад, и снова был банкет за счет администрации поселка. В третий и в четвертый приезды все было так хорошо, что после банкета армяне даже запели. Правду говоря, каждый раз после банкетов сотрудники музея заглядывали в ящик для пожертвований на развитие музея, который стоит в вестибюле, и каждый раз надеялись там увидеть... но не увидели. Потом приезжала какая-то армянская

Иван Лазаревич своим гостям шелковые халаты, расшитые павлинами и куропатками, родились ли у нескольких крестьянских девок через положенное время младенцы и не живут ли до сих пор во Фрянове в полной безвестности и нищете внебрачные дети Григория Александровича и Александра Андреевича, скрывающие свои знаменитые фамилии под самыми обычными.

⁴⁴ Да понимаю я прекрасно, что этот факт к созданию музея не имеет никакого отношения. Просто мне жалко выбрасывать такую затейливую деталь. Пусть она и от другого рассказа. Из точно таких же деталей отмечу бюст Сталина и аптеку на площади рядом с усадьбой. Сначала о бюсте. В начале пятидесятых решили строить во Фрянове Дом культуры, выкопали котлован под фундаментом, и... в это самое время лучший друг физкультурников и велосипедистов отдал Повелителю мух то, что было у него вместо души. Фряновцы, как только пришел приказ из столицы о том, что физкультурники, не говоря о велосипедистах, показали на следствии, что никакого друга у них нет и не было, не медля ни дня снесли бюст к чертовой матери, а для того, чтобы впредь избежать ненужного поклонения каменному идолу и, не дай бог, жертвоприношений, его бросили в котлован и сделали частью фундамента. На тему сталинских основ фряновской культуры вы пошутите сами у себя в голове, а я расскажу вам об аптеке. На самом деле ничего особенного в этой аптеке нет. Еще в советские времена она была построена по типовому проекту во Фрянове. В лихие девяностые кто-то из тех, у кого в тот момент были руки по локоть во власти, смог приватизировать это здание. Аптечный бизнес – дело тонкое, и его так просто, как здание, украсть невозможно. Бизнес заупрямился и не пошел, а здание аптеки осталось. Не пропадать же добру, подумал удачливый приватизатор и поселился вместе с семьей в крепком бетонном здании аптеки, огородил его железным забором и протянул во дворе веревки для сушки белья. Говорят, что дня не проходит, чтобы фряновские мальчишки не позвонили в звонок у ворот и, перед тем как стремглав убежать, не спросили – нет ли в продаже презервативов, анальгина или зеленки.

школа, армянский писатель, написавший книгу о детище Лазаревых – Институте восточных языков, армянская певица, пытавшаяся продать во Фрянове диски со своими песнями... Кто-то из приезжих подарил музею небольшую керамическую вазу, в которую не только заглянули, но даже и потрясли, перевернув вверх дном. Что ни говори, а среди работников музеев еще встречаются у нас наивные люди. Хотя... Нынешний директор музея Екатерина Чернова рассказала мне, что ждут они в гости Лазаревых. Этим Лазаревым кажется, что они потомки тех Лазаревых. Поскольку род тех Лазаревых по прямой линии пресекся еще в XIX веке, то эти Лазаревы, скорее всего, им даже не однофамильцы, но эти Лазаревы, как доносит разведка, очень богатые люди. Когда Екатерина Евгеньевна об этом рассказывала, то глаза у нее так блестели... Константин Сергеевич в таких случаях не верил. И я не поверил. Снова примут, проведут экскурсию, накормят, напоят, помашут вслед и потом с недоумением будут смотреть в ссохшийся от постоянного незаполнения ящик для пожертвований⁴⁵.

Кстати, о прямой линии. К несчастью, единственный сын Ивана Лазаревича Артемий, офицер Русской армии, бывший адъютантом у князя Потемкина, погиб в одном из сражений Русско-турецкой войны в 1791 году за десять лет до смерти своего отца. Когда Иван Лазаревич скончался в самом начале XIX века, то по завещанию все имущество Ивана Лазаревича перешло к его родному брату Екиму, который... Вы будете смеяться, но Еким Лазаревич, как когда-то Захарий Шериман, тоже стал продавать шелкоткацкую фабрику⁴⁶ вместе с Фряновым и усадьбой в придачу. Причины тому были, однако, другие.

Газ марабу лансе

На дворе стоял XIX век. Мануфактуры с прикрепленными к ним навечно посессионными крестьянами к тому времени превратились в анахронизм. С одной стороны их теснили новые фабрики тех помещиков, на которых работали их собственные крепостные крестьяне, а с другой – вольнонаемные рабочие, содержание которых обходилось куда как дешевле, не говоря о более высокой производительности вольнонаемного труда. Посессионные крестьяне, считавшие себя казенными, всеми силами сопротивлялись своему закабалению. Ткачи бунтовали почти каждый год, отправляли бесчисленных ходяков с жалобами на свое бесправное положение и маленькую зарплату в столицу, как могли вредили производству, запрещая, к примеру, своим женам брать из фряновской конторы коконы тутового шелкопряда на размотку или брать, но у конкурентов, или все же на своей фабрике, но держать месяцами дома, из-за чего останавливалось производство. Управляющий фряновской фабрикой доносил Екиму Лазаревичу, что рабочие требуют «не взыскивать за испорченные к отделке материи, не требовать в установленное время являться на работу, а когда они хотят, говоря притом, что у них имеются домашние надобности, субботные дни и накануне праздников не заставлять или не требовать их работы, а предоставить в их волю когда кто и сколько пожелает, то и работает; а по сигналам де на каторге работают, а мы де казенные и свободные люди». Как у них в головах мирно уживались эти два диаметрально противоположных прилагательных, «казенные и свободные», – ума не приложу...

Надо признаться, что причины бунтовать были. Достаточно одного четырнадцатичасового рабочего дня, чтобы начать от злости делать узелки на шелковых нитках. Дело дошло до того, что на фабрику был послан с инспекцией представитель министра внутренних дел,

---

⁴⁵ Мне бы не хотелось делать из этих фактов никаких и тем более далеко идущих выводов. Представим себе, к примеру, ящик для пожертвований в Доме-музее Пушкина в Кишиневе или такой же, но Гоголя в Полтаве. Представили? То-то и оно. Особенно в Полтаве.

⁴⁶ И это при том, что Иван Лазаревич хотел сохранить фабрику «яко памятник трудов своих собившийся благотворными одобрениями Монархов российских, трудолюбию подданных своих покровительствовавших, и для того никогда не соглашаясь оную продать в чужие руки и за самые знатные суммы, – хотя удобные к тому случаи и встречались».

«который не замедлил усмотреть, что фабрика очень терпит от господствующего между фабричными духа своеволия и безначалия». И вообще, у Екима Лазаревича было и без того полно забот, связанных с металлургическими заводами на Урале, доход от которых был не в пример больше, чем от фряновской фабрики.

И стал он ее продавать. Двадцать лет продавал. Три раза он хотел продать фабрику казне, и три раза казна отказывалась ее покупать. Делить фабрику по закону нельзя, продавать без бунтующих крестьян нельзя... Уже и нашел Лазарев покупателя на фабрику – московских купцов второй гильдии старообрядцев братьев Рогожиных, уже и заключил с ними договор, но начались бюрократические проволочки, и окончательно все оформить удалось лишь спустя пять дней после смерти Екима Лазаревича в январе 1826 года. Рогожины купили фабрику с обязательством возродить пришедшее в упадок шелкоткачество.

То ли кнут у Рогожиных был длиннее, то ли пряник слаще, но, по всей видимости, пользоваться они умели и тем и другим. Рогожины первыми в России установили на своей фабрике машины француза Жаккара, изобретение которого состояло в том, что рисунок на ткани можно было запрограммировать при помощи специальных металлических перфокарт. Фактически жаккардов стан был до некоторой степени прообразом аналоговой вычислительной машины. История его появления в России была сложной. Сначала правительство, стремясь оправдать слова Пушкина о том, что оно единственный европеец в России, купило в 1822 году за границей жаккардов стан, привезло его вместе с описанием и чертежами в Москву, где и выставило на обозрение текстильным фабрикантам. Еще через год в Россию приехал иностранец Каненгиссер⁴⁷ с усовершенствованной моделью стана, и в этом же году жаккардовы машины заработали во Фрянове. В действительности же все было совсем не так просто. Машины Жаккара были довольно несовершенны и представляли собой скорее опытные, нежели серийные образцы. Работать на них было сложно, но до какой степени сложно – представить себе было нельзя, поскольку в работе этих машин никто не видел. В 1826 году Рогожины установили первый стан на своей фабрике и выписали за немалые деньги людей, которые могли обучить фряновских рабочих тонкостям новой технологии. Уже через два года местный умелец скопировал и улучшил машину Жаккара так, что можно было приступить к ее серийному производству⁴⁸.

Новая технология позволила на порядок увеличить объемы производства и улучшить качество получаемого узорного шелка⁴⁹. Через три года после приобретения фабрики Рогожиными в Петербурге проходила Первая публичная выставка российских мануфактурных изделий. Это был звездный час рогожинского предприятия. Очевидец писал: «Ни одна мануфак-

---

⁴⁷ Написал бы я сейчас, что иностранец по фамилии Каненгиссер остался жить в России и понемногу превратился в Каннегисера. Царская паспортистка ошиблась и при выписывании вида на жительство потеряла одну букву «с», а вторую «н» случайно задела пером и передвинула на другое место. Обычное дело. С поручиком Кижэ еще и не такое приключилось. Внук Каненгиссера, поэт Леонид Каннегиссер пристрелил в восемнадцатом году из нагана ядовитую жабу – чекиста Урицкого. Это о Каннегисере писал Бальмонт «Пусть вечно светит свет венца бойцам Каплан и Каннегисер». И никто бы проверять не стал. Так ведь не напишу же, потому как совесть без зубов, а загрызет. Жалеть, однако, буду обязательно.

⁴⁸ Местные жители называли машины Жаккара «жигарками».

⁴⁹ Довольно быстро жаккардовое ткачество распространилось по всей округе, а потом и по России, и только богородский купец первой гильдии Лев Дмитриевич Лезерсон, имевший свою шелкоткацкую фабрику, отказался устанавливать у себя французские станы, а взял да и усовершенствовал обычный стан. Тут бы надо написать, что дальше опытного образца дело не пошло и правительство, к которому Лезерсон обращался с просьбой, показало ему... Не обращался он. Даже и не думал. Сам запатентовал свое изобретение, наладил производство своих станов и стал их продавать не куда-нибудь, а в Европу, и даже французские текстильные фабриканты лезерсоновские мистральи охотно покупали. Вообще Лезерсон был человеком удивительной судьбы. Родом он был из Любавичей, из очень религиозной и очень бедной еврейской семьи и, конечно, должен был стать раввином, тем более что его папа был очень дружен с самим Шнеерсоном, часть книг из библиотеки которого у нас через много лет так коварно умыкнули и вывезли за океан. Лезерсоны часто ходили в гости к Шнеерсонам, в доме которых было, как известно, ужасно шумно из-за постоянных религиозных диспутов. Обычно маленький Лева забивался куда-нибудь в угол и немножко шил. Никакими силами его невозможно было оторвать от иголки и нитки. В конце концов родители поняли, что раввина из него не получится, дали ему денег для покупки небольшой швейной фабрики, купили удостоверение купца первой гильдии и посадили на поезд до Москвы.

тура не сделала столь быстрых успехов. Три залы наполнены были шелковыми всякого рода изделиями, которые, будучи развешаны по стенам и разложены на столах, представили зрелище сколь великолепное, столько же отрадное для сердца всякого патриота». Список образцов тканей, представленных Рогожиными, на выставке можно хоть со сцены декламировать – столько в нем неизъяснимой прелести. «Ленты гроденаплевые, разных цветов и узоров; ленты кушачные; платки, газ фасоне омбре, а ла Наварин, гренадиновые фасоне; вуали газ фасоне; эшарф газ фасоне омбре; платки лансе Александрин, Александрин омбре, тож де суа Перс; пальмерин с атласными каймами; эшарф пальмерин тож; газ марабу лансе; материи узорчатые, гроденапль а ла Грек, бархат разных цветов⁵⁰, полубархат, муслин Ориенталь, пальмерин...» Читаешь и просто кожей ощущаешь, как из-под вуали газ фасоне тебя прожигает насквозь заинтересованный взгляд таких черных глаз... или воображаешь, как гибкую точеную шею обвивает тончайший, золотистый и узорчатый шелковый шарф из ткани сорта газ марабу лансе, или руки у тебя чешутся от непреодолимого желания расправить все оборки и воланы на блестящем пышном платье из гроденапля а ла Грек, или ты медленно, как только возможно, и еще медленнее укутываешь опарные, купеческие плечи платком из Александрин омбре де суа Перс...⁵¹ и какая-нибудь монументальная Домна Евстигнеевна, зябко поводя под этим платком огнедышащими своими плечами, зевнет и скажет...

Впрочем, мы отвлеклись от выставки. Успех был таким полным, что братьям Рогожиным не только вручили специальные именные медали «За трудолюбие и искусство», но и по представлению Мануфактурного совета Николай Первый удостоил Павла и Николая званиями мануфактур-советников.

В 1835 году в Москве была устроена Вторая выставка мануфактурных произведений. И снова «из произведений известных наших фабрикантов Мануфактур Советников Рогожиных искусная отделка полосатых гроденаплей заслужила наиболее внимание знатоков. Выставка их была очень разнообразна; их муселин-де-суа, крепы, газы, фуляры... были одобрены всеми». Сама фабрика была самым тщательным образом описана как образцовая, а ее владельцы, братья Рогожины, были награждены орденами Святой Анны третьей степени. И тут... Да, вы не ошиблись – ровно через тринадцать лет после приобретения братья Рогожины решают избавиться от своей фабрики. Оказалось, что под ворохом гроденаплей, муселинов-де-суа и вуалей газ фасоне постоянно тлел бунт посессионных рабочих. Дошло до того, что в 1837 году суд Богородска признал фряновских ткачей «закостеневшими в буйствах» и «безнадежных к повиновению».

---

⁵⁰ Кстати, о бархате. «Папа всячески поддерживал промышленников, как, например, некоего Рогожина, который изготовлял тафту и бархат. Ему мы обязаны своими первыми бархатными платьями, которые мы надевали по воскресеньям в церковь. Это праздничное одеяние состояло из муслиновой юбки и бархатного корсажа фиолетового цвета. К нему мы надевали нитку жемчуга с кистью, подарок шаха Персидского». «Папа» здесь император Николай Первый, а «мы» – его дочери, великие княгини Ольга и Мария. Написано о рогожинском бархате Ольгой Николаевной, королевой Вюртембергской, в воспоминаниях в 1883 году. Хорошего качества, значит, был бархат, раз о его производителе не забыли и через пятьдесят с лишним лет.

⁵¹ Тут понятно почти все. Александрин – это полосатая ткань из смеси льна и хлопка. Омбре – узор на тканях набитый или вытканый полосками и переливами оттенков, а вот что такое «де суа Перс». «Шишков, прости, не знаю, как перевести».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.